

НИКОЛЬ КЕЛЛЕР

Мама на

НОВЫЙ ГОД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Запутанная история

18+

Николь Келлер

**Мама на Новый год.
Запутанная история**

«Автор»

2024

Келлер Н.

Мама на Новый год. Запутанная история / Н. Келлер — «Автор»,
2024

- Папочка, где же ты?! – сбоку раздается тихое и жалобное. Резко торможу. До противного скрипа каблуков по полу. Делаю шаг вперед, как снова слышу всхлип, больше похожий на писк котенка. Поворачиваю голову и только тогда замечаю полоску света из-под двери одного из классов. Смотрю на часы на запястье. Я здорово опаздываю. Но сомневаюсь буквально несколько секунд. Отбросив все сомнения, решительно открываю дверь класса. - Па... - радостно вскрикивает девочка и тут же осекается, когда сталкивается глазами со мной. – Вы не папа, - с претензией заявляет малышка. - Я не папа, верно, - мягко замечаю, подсаживаясь к ней на подоконник. – Что ты тут делаешь в классе одна? Уже очень поздно. - Я папу жду. Он меня не забрал. Мне страшно, - плачет девочка навзрыд. И я сразу же прижимаю ее к себе вопреки всем своим принципам и установкам. Просто перешагиваю через них, не задумываясь. - Вы меня тоже бросите? – вскидывает заплаканное личико кроха. - Как мама и папа?

© Келлер Н., 2024

© Автор, 2024

Николь Келлер

Мама на Новый год. Запутанная история

Глава 1

Рождение ребенка – единственное
свидание вслепую, на котором
ты уверена, что встретишь
любовь всей своей жизни.
Автор неизвестен.

Влада

Захлопываю журнал. Наконец-то. Ненавижу всю эту бумажную волокиту. Мы давно перешли на электронный документооборот, но наш директор все равно просит все дублировать по старинке. Сцепив зубы, делаем. Куда деваться.

Потягиваюсь до хруста в суставах, тру усталые глаза. И еще раз, когда взгляд цепляется за часы, висящие над дверями учительской.

– Черт! – захопываю ноутбук и кидаюсь к шкафу. Достая пальто, наспех натягиваю его, одной ногой пытаюсь запрыгнуть в сапог. Не застегиваясь, хватаю со стола сумочку, ноутбук и выбегаю из учительской, захлопнув дверь.

– Папочка, где же ты?! – сбоку раздается тихое, жалобное и испуганное.

Резко торможу. До противного скрипа каблучков по полу.

Но вокруг звенящая, давящая тишина.

Похоже, у меня галлюцинации от переработки.

Делаю шаг вперед, как снова слышу всхлип, больше похожий на писк котенка.

Поворачиваю голову на звук и только тогда замечаю полоску света из-под двери одного из классов. Снова смотрю на часы на запястье. Я здорово опаздываю.

Но сомневаюсь буквально несколько секунд.

Когда какой-то мышонок начинает шмыгать носом, я решительно открываю дверь класса.

– Па... – радостно вскрикивает девочка и тут же осекается, когда сталкивается глазами со мной. – Вы не папа, – с претензией заявляет малышка.

Мы замираем и с жадностью изучаем друг друга.

Сердце сжимается и ноет при виде малышки. Миниатюрная куколка, щупленькая, с двумя кривоватыми русыми косичками сидит на подоконнике с ногами, забившись в уголок. На вид ей лет семь – восемь. Скорее всего, первый или второй класс.

Ее бездонные голубые глазки красные и заметно припухшие. Девочка плакала. Много и долго. Она утирает носик-пуговку манжетой белой рубашки и снова хлюпает. Нижняя губка дрожит – малышка готова снова разрыдаться. Она вновь сгорбливается, как будто из нее вынули стержень. Подтягивает острые коленки к груди и вновь расплющивает носик по стеклу.

Осторожно вхожу в класс, прикрывая за собой дверь. Назад пути нет. Я не могу бросить ребенка одного поздним вечером. Она и так уже на грани.

– Я не папа, верно, – мягко замечаю, подсаживаясь к ней на подоконник. – Что ты тут делаешь? Уже очень поздно.

– Я папу жду.

Мои брови против воли взлетают вверх. Насколько мне известно, продленка закончилась полтора часа назад. Что уж говорить – весь педсостав давно разбежался по домам. Я одна, как обычно, задержалась.

Но удивляет не это.

А то, что даже если родитель задерживается, то ответственный учитель должен быть рядом с ребенком до тех пор, пока его не заберут. Это недопустимо, чтобы ребенок, тем более,

такой маленький, оставался без какого-либо присмотра! А, учитывая, как эту малышку трясет от страха, и она тихонечко подвывает, девочка одна довольно давно.

– Мне страшно, – плачет уже навзрыд, спрятав личико в ладошках. – Где мой папочка?

– Тишиш, солнышко, – я сама не понимаю, как, но отбрасываю в сторону все свои страхи и железобетонные принципы и вот уже через секунду обнимаю девочку. Малышка сразу же доверчиво прижимается ко мне дрожащим тельцем. – Я с тобой. Я рядом. Почему ты здесь одна? И где твоя учительница?

Глава 2

Влада

– Она...она... – всхлипывает и трясется. Глодает слезы и шмыгает носиком. Не обращая внимания на ноющее сердце и вскрывающиеся душевные раны, я лишь крепче обнимаю малютку и укачиваю в кольце своих объятий. – Сказала, что ей нужно домой. И чтобы я дождалась папу. Тут была другая тетя, она сидела, ворчала, а потом тоже ушла...

Внутри от возмущения просто петарды взрываются. Ярость бушует, как тайфун, снося все на своем пути.

Это недопустимо!

Что за бессердечная сволочь?! Как?! Как можно ребенка бросить?! Могло произойти что угодно!

– Кто твоя учительница? – одновременно с вопросом достаю телефон из кармана пуховика.

– Лариса Петровна.

Застываю, не донеся мобильный до уха. Глаза округляются и лезут на лоб. Я же не услышалась?..

– Ты из первого «А»? – уточняю, моля, чтобы я ошибалась. Но ошибки быть не может. Хотя бы потому, что в нашей школе больше нет другой Ларисы Петровны.

– Да.

Проблема в том, что Лариса – моя подруга. Я знаю ее как доброго человека, отзывчивого и ответственного учителя.

А еще Лариса сама через несколько месяцев станет мамой. Как она говорит: решила не ждать принца на белом коне и родить для себя. Нашла мужчину, который устроил ее по всем аспектам, и забеременела от него.

– Алло?

– Лара, – прикрываю динамик рукой и мажу взглядом по девочке. – Как тебя зовут?

– Тая. Таисия Аверина.

– У тебя в классе есть ученица Таисия Аверина? – зачем-то уточняю.

– Черт, – с протяжкой цедит подруга. Я даже представляю, как она закатывает глаза. И внутри нарастают злость, раздражение и глубокая обида за эту маленькую крошку, которая сейчас жметя ко мне, как брошенный котенок под дождем. Обидно и больно как за собственного ребенка. – Да, есть. А что-то случилось?

– Случилось! – рывкаю так, что малютка подпрыгивает, и ее глазки еще больше округляются. – Ее до сих пор не забрали! Как ты вообще ее могла оставить одну?

– Я не оставляла ее одну! – вскидывается Лара. – Я всего лишь ушла вовремя! Мне, знаешь ли, за переработку не доплачивают! И утомляться мне нельзя! Я – глубоко беременная женщина! Мне нужно себя и малыша беречь.

Ее слова – ядовитые дротики в сердце. Жалят. Тупая боль распространяется молниеносно, и хочется растереть это место кулаком.

На том конце провода Лара шумно выдыхает.

– Слушай, – смягчается и успокаивается. – Мне нужно было к врачу на УЗИ. Я эту запись ждала две недели. И я не оставляла Таю одну, правда. Я попросила Любовь Васильевну за ней приглядеть.

А, ну, да. Это меняет в корне ситуацию. Только вот Лару почему-то не смутило, что Любовь Васильевна – уборщица. И ответственности за учеников никакой не несет.

Снова гляжу на ребенка. Она сжалась в комочек и мелко подрагивает – отголоски недавней истерики. Дышит через раз и смотрит на меня с осторожностью. Как загнанный зверек, для которого я – последняя надежда на спасение.

– Родители Таю не забрали до сих пор! А ты даже не в курсе! Почему ты не проконтролировала?!

– Ну, извини! Влаааад, – тянет Лара заискивающе. – Раз ты там, может, дождешься папу Таисии? Он обычно вовремя ее забирает. Странно, что сегодня настолько задержался...

Вздыхаю и с раздражением упираюсь затылком в холодное стекло.

– Я не могу. Ты прекрасно знаешь, что меня муж ждет. Сегодня у него важное мероприятие. И я на него ужасно опаздываю.

Из-за твоей халатности, – добавляю мысленно.

– А, ну, да, – мне показалось, что с раздражением выплевывает Лара. Как будто...злится. Хотя, думаю, мне в моем взвинченном состоянии просто показалось. – А я вот-вот должна зайти на прием...

Скашиваю глаза на Таю. Она кладет подбородок на колени и смотрит на меня с надеждой. Ну, вот как ее можно было бросить?!

– Черт с тобой, Лара. Скинь номер ее отца, я попробую дозвониться. А ты позвони в полицию. Их в любом случае нужно поставить в известность. И директору. Сначала лучше директору, она потом подскажет, что делать дальше.

– Спасибо, моя! Сейчас все будет!

Лара громко и нарочито чмокает в динамик и сбрасывает вызов.

– Вы меня теперь тоже бросите, да? – едва слышно, с обреченностью шелестит голос крошки. – Как мама и папа?

Глава 3

Влада

Слова крошки звучат с надрывом. Отдаются в сердце вселенской болью и полосуют душу на лоскуты.

– Нет, солнышко, не брошу. Я буду с тобой, пока папа не придет. Сейчас мне пришлют его номер, и мы ему позвоним.

Телефон коротко пиликает – Лара скинула номер отца Таи.

Егор Максимович.

Красивое имя. Я так хотела сына назвать, если бы он когда-нибудь у меня был.

Решительно набираю мужчину, и но противный механический голос сообщает, что абонент не в сети.

Тая складывает ладошки в молитвенном жесте и едва слышно шепчет.

– Папочка, ну, пожалуйста... Ну где же ты? Забери меня домой...

Я набираю снова. И снова. И по-прежнему слушаю фразу, заученную наизусть. Фразу, которая для меня всегда является предвестником беды.

И так еще пять раз. Безрезультатно.

– Он за мной не придет...

Тая снова плачет. Вот только не так горько, а тихо и обреченно. Ее плечики ссутуливаются, как будто вся тяжесть этого мира навалилась разом. И от этого на сердце тяжесть. Его сжимает невидимая рука и не отпускает. Даже полноценный вдох сделать не могу. Душа и сердце болят как за родную дочь.

И я злюсь на папашу этой малышки сильнее с каждой минутой.

Что же мне с тобой делать?..

– Не оставляйте меня, пожалуйста, – Тая вцепляется в мое предплечье мертвой хваткой двумя руками. Сжимает до боли и тараторит на одном дыхании: – Пожалуйста... Там очень темно... А я боюсь темноты...

От ее сбивчивой речи у меня наворачиваются слезы на глаза. И только сейчас я понимаю, что сказала эту фразу вслух.

Нарушаю все личные и этические нормы школы: притягиваю Таю к себе, крепко обнимаю малышку двумя руками, стараясь объять ее сразу целиком. И целую девочку в макушку в макушку.

– Я не оставляю, – бормочу, поглаживая по спинке. – Я же обещала.

Рука тянется еще раз набрать Егора Максимовича, я даже тянусь за телефоном, лежащим рядом. Но от этого шага меня останавливает громко урчащий живот малышки.

И, кажется, только сейчас я осознаю весь ужас положения Таи. Она сидит тут без еды и воды около пяти часов!

И снова накатывает злость. На Лару, на папашу девочки, на уборщицу, в конце концов, которая бросила ребенка одного и ушла, никого не предупредив! И эта злость толкает меня на поступки.

Подгоняемая эмоциями, спрыгиваю с подоконника и подаю руку Тае.

– Пошли.

– К-куда? – девочка таращит глаза и смотрит на мою распахнутую ладонь с опаской.

– Подождем твоего папу у меня дома.

Но Тая не торопится принять мою помощь.

– Папа говорил, что нельзя никуда ходить с незнакомцами...

Чуть улыбаюсь. Молодец, девочка. такая маленькая, а такая смышленная и рассудительная!

– Правильно папа говорил. И ты – молодец, что слушаешься его. Давай тогда знакомиться. Я – Влада Игоревна, работаю учителем русского языка и литературы в пятых и sixth классах.

– А я – Таисия Егоровна Аверина, – несмотря на страшную ситуацию и свое положение, гордо сообщает девочка. – Учусь в первом классе.

– Вот и познакомились. Теперь можно пойти в гости.

Но девочка продолжает сомневаться. Прижимает коленки сильнее к груди и не спешит покидать свое «место укрытия».

– А как папа сможет меня найти у вас дома?

– А мы ему сейчас сообщение отправим.

Отправляю в мессенджере Егору Максимовичу свой адрес и предупреждаю, что мы его не дождалась в школе, и я забрала Таю себе. Разворачиваю мобильный экраном к девочке.

– Смотри, я написала адрес, где тебя искать. Папа, как сможет, прочитает и приедет за тобой.

Тая хмурится, шевелит губами, старательно читая написанное по слогам. Улыбаюсь, глядя на ее собранные домиком бровки и сосредоточенное важное личико.

– Ты очень хорошо читаешь, молодец.

Только дочитав, Тая доверчиво вкладывает ладошку и сползает с подоконника.

– Раньше папа читал мне по ночам, а теперь ему всегда некогда. У него много работы. И мне читали няньки всякие...

Никак не комментирую ее слова, но, кажется, не сдержусь и все же выскажусь нерадивому папаше.

Помогаю надеть пуховичок и шапку и, прежде чем выключить свет и покинуть кабинет, вспоминаю, что я опаздывала на мероприятие к Виктору.

Снова достаю мобильный, быстро набираю сообщение.

«Извини, я сегодня не смогу с тобой пойти. Дома все объясню».

Глава 4

Влада

Виктор читает сообщение сразу же, но ничего не отвечает. Я прямо чувствую, как через экран на меня выплескиваются волны его злости и недовольства.

– Пойдем, – Тая уже сама добровольно протягивает мне свою ладошку, и я сжимаю ее пальчики.

У меня по телу прокатывается разряд тока, который прицельно бьет в самое сердце. Дыхание спирает, в горле застревает ком, который никак не слотнуть. Глаза печет, когда представляю, что могла бы...

Трясу головой, отгоняя мысли, которые я давно посадила на цепь. Стараюсь вытравить их из головы, как сделала однажды. Сжечь дотла. Не позволять себе оглянуться. Я стараюсь не думать, какой ценой мне удалось это сделать. Знаю лишь одно: если сейчас оступлюсь, то последствия будут разрушающие. И я не преувеличиваю ни на грамм – я уже однажды проходила это.

Я живу не так далеко от школы, поэтому решаю, что мы могли бы прогуляться до дома. Еще и потому, что вдруг Егор Максимович как раз несется за дочерью, и его машина может попасться нам навстречу.

Погода просто потрясающе сказочная. Снег мягкими хлопьями падает с неба, и мы с Таей одновременно подставляем им лица. Прикрываем глаза и кружимся. И смеемся на всю улицу. Скоро Новый год, улицы и магазинчики уже давно украшены яркими иллюминациями, что придает сказочности этому волшебному и трогательному моменту.

Удивительно, но раньше я не замечала таких простых мелочей. А с Таей получилось. Она каким-то волшебным образом оживила меня по щелчку. Дала глоток свежего воздуха, который пьянит похлеще самого крепкого алкоголя. Пусть и ненадолго, на один вечер, но для меня это очень важно.

– Скоро Новый год, – выдыхает Таисия, балансируя по поребрику.

– Да..., – лишь вздыхаю, потому что мне нечего добавить. Я давно не люблю праздники и не отмечаю их. Просто проживаю день за днем.

– Я хочу, чтобы папа мне нашел новую маму... Мне больше не нужны никакие подарки. Только маму.

И снова в который раз мое сердце делает сальто и сжимается до размеров пятирублевой монеты. Больно так, что горло сдавливает предательский ком, который мешает говорить и дышать. Вскидываю голову к небу и мысленно задаю вопрос: за что?..

Но заведомо знаю, что никогда не получу на него ответа...

Я теряюсь, не знаю, как спросить, боясь задеть чувства девочки, но Тая поясняет сама.

– Моя мама живет на облаках. Она ушла, когда я только-только родилась. Так сказал папа. Я большая девочка, знаю, что никто не сможет вернуть мне маму. Но я хочу, чтобы папа нашел тетю, которая сможет полюбить меня. Чудеса же случаются? Под Новый год?

Наверно, случаются. Но не в моей реальности. Я давно не верю в чудо.

Но я не имею права ломать веру крошки вот так грубо об колено. Поэтому ласково улыбаюсь, треплю ее косичку и уверенно произношу:

– Конечно, бывают.

Мы быстро доходим до моего дома. Поднимаемся на нужный этаж, я пропускаю девочку вперед. Тая осторожно переступает порог квартиры и с интересом оглядывается по сторонам, стягивая с себя шапочку.

– Вы тут одна живете?

– Нет, с мужем.

– А, – лишь выдает и резко грустнеет. Снова сводит бровки на переносице, уходит в себя.

– Идем руки мыть.

Быстренько проводим все необходимые процедуры, я переодеваюсь в домашний костюм и скорее веду Таю на кухню. Благо, я вчера успела приготовить обед и ужин. К которым, Виктор, конечно же, не притронулся.

– Ты любишь макароны с котлетами? – выглядываю из-за дверцы холодильника. Тая уже грызет хлебец, который я с утра впопыхах забыла убрать.

– Паровые? – забавно кривит носик девочка. – Наполовину с овощами?

– Нет, обычную. Жареную, – поясняю растерянно.

– Тогда люблю! – Тая снова широко улыбается, как солнышко. – Все няни готовили всякую правильную еду. Это не вкусно, беее.

Разогреваю нам ужин и ставлю дымящуюся тарелку перед девочкой. Мы молча и с жадностью принимаемся за еду, изредка переглядываясь и перебрасываясь загадочными улыбками.

После ужина Тая выскальзывает из-за стола и подходит к окну. Привстает на носочки, выглядывая на улицу. А потом и вовсе снова забирается на подоконник, встает на колени и расплющивает носик по стеклу.

– Влада Игоревна, – оборачивается и кидает на меня умоляющий взгляд. – Давайте еще раз папе позвоним. Вдруг он не получил ваше сообщение?

– Да, солнышко, конечно.

Я снова и снова звоню Егору Максимовичу. Но и на этот раз у него телефон недоступен. Медленно качаю головой, на что Тая опускает плечики и вздыхает.

– А знаешь, что? А давай мы с тобой мультики посмотрим, м? Ты какие любишь?

– Про Рапунцель.

Я беру на руки эту крошку и с легкостью переношу ее на диван. Нахожу в киноприложении нужный мультик. Тая сама льнет ко мне, как котенок, заныривая под руку. Обнимает за талию двумя руками.

Замираю. Дышу часто. Сердце колотится навывлет, подпрыгивая к горлу.

И снова эти ненужные, несбыточные картинки. Что могло бы быть, если...

Но мне тоже так хочется чуда, что я, задушив все свои темные мысли, прижимаю к себе Таю.

Уставшие за этот сложный для нас обеих день, мы засыпаем в обнимку. Прямо на этом диване перед телевизором.

А потом резко подсакиваем от громкого звонка.

Глава 5

Влада

Подсакиваю со своего места, не сразу понимая, во сне этот оглушительный звонок был или наяву. Следом за мной просыпается Тая. Испуганная, бледная и еще не до конца проснувшаяся. Она трет глазки и оглядывается по сторонам, как будто не понимает, где оказалась.

Тянусь к телефону, проверяю экран. Никаких сообщений и звонков. Приснилось, что ли?

В следующую секунду понимаю, что нет.

Требовательный звонок в дверь сдувает меня с места. Неужели папаша наконец-то вспомнил о ребенке?! Это точно он, больше некому. У Виктора есть ключи.

Нет, каков хам, а!

Сначала не забрал девочку, не предупредив никого, а теперь трезвонит в то время, когда люди обычно спят! Предварительно даже не позвонив и не извинившись!

От злости, что кипит внутри и требует выхода, распахиваю дверь, даже не потрудившись посмотреть в глазок.

И отшатываюсь назад.

Потому что за дверью оказывается не Егор Максимович.

А Виктор.

Злой и, кажется, нетрезвый.

Он смотрит на меня исподлобья, ухмыляется одним уголком рта. Выглядит все это мерзко. И страшно. Таким своего мужа за десять лет брака я вижу впервые.

Он переступает порог квартиры, надвигается на меня. Вжимаюсь спиной в стену и стараюсь не дышать.

– Папочка, ты пришел! – в коридор врывается Тая с широченной улыбкой на лице. Она замечает Виктора, резко тормозит, как будто врезалась в стену. Улыбка на ее лице гаснет, восторг в глазах тухнет. На его место приходит страх. – Ой...

Тая делает шаг вперед и врезается в мои ноги. Прячется за спину, обняв меня двумя руками.

И я очень понимаю девочку.

Виктор сам не себя не похож. Я таким его не знаю.

Его лицо искажается: ноздри раздуваются, как у огнедышащего дракона. Только пар не идет. Глаза наливаются кровью и мечутся с Таи на меня и обратно.

– Ты что, ключи забыл?

– Эта твоя причина, по которой ты меня кинула в последний момент?! – рычит Виктор, игнорируя мой вопрос. В один резкий шаг он сокращает расстояние между нами. Со всей дури лупит ладонью по стене возле моей головы. – Из-за какого-то чужого ребенка пропустила мероприятие, которое было важно для меня?!

– Виктор, пожалуйста, не кричи. Ты пугаешь ребенка.

– Из-за нее, – тычет пальцем мне за спину, и Тая сжимается еще больше. Впивается в меня маленькими пальчиками мертвой хваткой. Даже, наверно, синяки останутся. – Из-за какой-то девчонки мне весь вечер пришлось отвечать на тупые вопросы про жену?! Вместо того, чтобы обсуждать дальнейшее сотрудничество! Ей я обязан тем, что во мне засомневались, как в надежном партнере, и не захотели заключать сделку?

Под конец Виктор орет так, что у меня закладывает уши. Страх Таи передается и мне, и в какой-то момент я начинаю бояться, что муж меня ударит. Он близок к этому.

Да, он говорил, что этот ужин важен для него. Но он и не настаивал сильно, потому что знал, что я запросто могу задержаться на работе. Виктор всегда относился к этому нормально. Да, ворчал порой, но и только.

С чего вдруг сейчас-то так сорвался с цепи?!

– Послушай, успокойся, – осторожно касаюсь ладонью его тяжело вздымающейся груди. – Дай мне все объяснить...

– Что ты мне объяснишь?! Что, Влада?! Как променяла мужа на чужого ребенка?! В то время, когда давно могла бы родить своего!

Эти слова имеют эффект разорвавшейся бомбы. Оглушают и лишают ориентации.

Пошатываюсь, как от удара хлыста. Виктор безжалостно ударил наотмашь. В самое сердце. И вскрыл рану по старым швам, разорвав сердце на куски.

Муж знает, как эта тема болезненна для меня. Как я реагирую и почему обхожу ее стороной.

Но все равно жестоко убил меня одними лишь словами.

– Вот и живи теперь с чужим ребенком! – напоследок небрежно бросает муж, не дав мне даже возможности объясниться. Выходит из квартиры, оглушительно хлопнув дверью. Похоже, и в нашу с ним семейную жизнь тоже.

Сколько-то времени я так и стою неподвижно, прислонившись к стене. Дышу так, как учил психотерапевт, чтобы не свалиться в истерику. Потому что на периферии сознания бьется мысль, что рядом ребенок, за которого я несу ответственность. Пусть он и чужой.

Тая выбирается из своего укрытия, встает передо мной и обнимает за ноги, утыкаясь личиком в живот. И стоит так, молча оказывая поддержку.

– Пойдем, солнышко, попробуем позвонить твоему папе еще раз...

Но и тут удача нам не улыбается. Номер по – прежнему недоступен.

И у Таи начинается самая настоящая истерика.

– И что делать? Где мой папа?!

– Не плачь, солнышко. Давай мы с тобой спать ляжем. Как бы то ни было, завтра нам с тобой все равно идти в школу. Твоя учительница должна была сообщить в полицию, они наверняка уже ищут твоего папу.

Мы вместе, как будто настоящие мама и дочка, чистим зубы, переглядываясь в зеркале.

Я стелю постель, и перед сном Тая уговаривает расчесать ей волосы и спеть колыбельную.

– Влада Игоревна, не уходите. Полежите со мной. Мне очень страшно. Вдруг тот дядя вернется...

Я не могу отказать ребенку, тем более, она сегодня пережила столько стресса. Поэтому с бешено колотящимся сердцем я ложусь рядом с Таей. Я только полежу, когда она уснет, я уйду в гостиную...

Но утром я обнаруживаю себя крепко обнимающей чужого ребенка. Спросонья мне даже кажется, что это моя дочь. Моя девочка, которая смешно дует губы во сне и бормочет:

– Мамочка...

Но дурман быстро развеивается. А вот слова Таи так и звенят в ушах, как церковные колокола.

Будильник звенит, возвращая в реальность.

В реальность, где экран моего мобильного девственно чист.

Ни звонков, ни сообщений.

Ни от моего мужа.

Ни от отца Таи.

Глава 6

Влада

Осторожно, чтобы не разбудить раньше времени, глажу девочку по волосам. Любуюсь ею, не выдерживаю и целую в висок.

Я не имею на это права. Я знаю. Это против правил, и недопустимо. Я для нее – чужая тетя. Мало ли как впоследствии это может расценить ее отец... И я сама же потом буду страдать, но...

Меня тянет к этой девочке как магнитом. Как будто между нами особая связь.

Я не могу надышаться ею. Налюбоваться. Мне хочется обнимать ее. И никуда не отпускать. Помешательство какое-то.

Сегодня у меня ощущение, что кто-то вчера просто взял и привел меня за руку к ней, такой испуганной, беспомощной и потерянной.

Так, хватит. Я схожу с ума. Надо прекращать, пока мои «игры разума» не зашли так далеко. Второй раз пройти по углям уже не получится.

Поднимаюсь и бреду в ванную. Кое-как привожу себя в порядок и иду готовить завтрак. В голове роятся мысли. И нет, не о муже, который впервые не ночевал дома, а об отце Таи.

С ним очевидно что-то случилось. Иначе бы Егор Максимович хоть как-то дал о себе знать! Я больше, чем уверена, что он – хороший отец. Тая к нему очень привязана, такое не сыграть. Тем более, ребенку. Да и о дочери невозможно забыть и не думать, где она, как и что с ней.

Господи, пусть с ним все будет хорошо! Пусть он загулял, надрался, уснул... Что угодно, лишь бы не страшное! Потому что мне больно только об одной такой мысли.

Не представляю, что будет с Таем, если с Егором Максимовичем...

Даже думать не хочу. У меня только от мыслей мороз по коже. Провожу ладонями по предплечьям, чтобы согреться. Боюсь представить, что с нами будет, если мы с Таем столкнемся с этой ужасающей реальностью.

Не. Дай. Бог.

Вот так, постоянно отгоняя от себя тревожные мысли, успеваю приготовить завтрак и накрыть на стол, когда на кухню выбегает заспанная Тая.

– Папочка! Ты при... – она тормозит, как будто врежется в стену. Бегаёт взглядом по небольшому помещению и, не найдя отца, снова плачет. – Папа не пришел, да? Где же мой папа?!

– Тише, тише, моя девочка, – в один шаг оказываюсь рядом. Прижимаю двумя руками девочку к себе и замираю, впитывая ее боль и страх. – Давай так. Мы сейчас позавтракаем и пойдем в школу. А там у Ларисы Петровны попробуем узнать что-нибудь. Она должна была позвонить в полицию. А потом уже будем думать, что делать. Договорились?

– Вы меня не бросите? – стреляет в меня небесно-голубыми глазами. Смотрит серьезно, по-взрослому. – Обещайте, что вы меня не бросите! Я хочу, чтобы вы были со мной, пока папа не найдется. Лариса Петровна мне не нравится!

Закусываю губу. Девочка моя, ты невозможное просишь. Я же не знаю, как все сложится. И я так боюсь тебя подвести...

Но Тая глядит на меня с надеждой. И страхом. Огромным, вселенским. Таким, какой бывает у детей, которых бросили. Которые не знают, что их ждет. И это их пугает до дрожи.

Тая боится. Очень. Это можно судить по скрещенным пальчикам на ее руках. И по часто вздымающейся груди. По строгому взгляду, который она кидает в меня исподлобья.

Но она всеми силами старается не показывать своих истинных чувств. Такая маленькая, но такая взрослая девочка.

И я не могу ее разочаровать. Не могу бросить одну в такой сложной ситуации.

– Послушай. Давай договоримся: я буду рядом. Постараюсь сделать все, чтобы помочь найти твоего папу.

Тая раздумывает несколько секунд. Ее устраивает такой ответ, и она важно кивает.

– Тогда давай завтракать.

Девочка забирается на стул, оглядывает стол. Переводит на меня удивленный взгляд, приоткрыв ротик в букве «О».

Глава 7

Влада

– Это завтрак? – выдыхает восхищенно.

– Эээ...ну, да.

– Класс! Блинчики с вареньем! Какао! – приговаривает, откусывая. Закатывает глазки и облизывает пальчики. – Так вкусно! А я и не знала, что на завтрак можно сладкое.

Смотрю на девочку в удивлении. В первые секунды теряюсь и не знаю, что и сказать.

– Изредка можно себя баловать.

– А вот моя прошлая няня говорила, – Тая морщит носик, начинает специально гнусавить и растягивать гласные, подражая, видимо, той няне. – Завтрак, Таечка, должен быть сытным и питательным. И обязательно правильным. Иначе заработаешь гастрит.

Мы хохочем на всю кухню. Забавная девчонка. Открытая, настоящая, но недолюбленная. Иначе бы она не радовалась таким простым, обыденным вещам и не тянулась ко мне, совершенно незнакомой тетке, которая просто обняла и была рядом.

– И няня всегда давала мне овсянку с маслом. И компот из шиповника.

– Ну, это полезно. Я согласна с твоей няней. Но и овсянка может быть очень вкусной. Если ее правильно приготовить.

– Но вы же мне ее приготовите? – и заглядывает преданно в глаза, собрав бровки домиком.

Закусываю губы. Как будто сдерживаю рвущееся наружу «Да, конечно!».

Я не могу. Я знаю, как это больно – когда тебя обнадеживают, а потом просто переступают через обещание.

Я не знаю, как сложится наш сегодняшний день. Не знаю, что нам приготовило завтра. С некоторых пор я живу только здесь и сейчас. Так легче. Так проще.

– Давай завтракать, – бормочу, утыкаясь взглядом в кружку с чаем. – Нам еще собираться.

За столом воцаряется молчание. Я уже без бывшего аппетита доедаю блин и допиваю чай. Все это время боюсь поднять глаза на Тая.

Ополаскиваю посуду и ухожу в спальню переодеваться. Когда я заканчиваю с легким макияжем, ко мне стучится Тая.

– Влада Игоревна, а вы заплетете мне косички?

– Давай, конечно.

Опускаюсь на кровать, и Тая мигом садится на пол между моих ног. Замираю на несколько секунд, до боли в пальцах стиснув расческу. Несколько слезинок срываются с ресниц, но я быстро беру себя в руки. Расчесываю длинные шелковистые волосы и заплетаю простейшие косички.

Но Тая и от них в восторге.

– Класс! Так красиво! – девочка крутится возле зеркала, разглядывая себя со всех сторон. – Спасибо большое, Влада Игоревна! Ваши косички гораздо лучше, чем у папы! У него они всегда с петухами получаются. И криво.

Улыбаюсь и треплю малышку по щечке.

– Беги пока в зал, подожди меня. Мне нужно дособираться.

Когда я готовая выхожу к Тае, она разворачивает ко мне рамку с фотографией и растерянно бормочет:

– А это кто?

Беру в руки рамку. С грустью и щемящей болью обвожу силуэты пары.

На ней я и Виктор в самый важный момент нашей семейной жизни. Молодые, красивые, счастливые. Я уже и не помню себя такой. А фото храню для того, чтобы оно закрывало царпину на полке.

– Это я и дядя, которого ты вчера видела.

– Вы? – бровки Таи ползут вверх. А ротик приоткрывается в удивлении. – А почему у вас там светлые волосы? Как у меня?

И снова в который раз за утро у меня щемит сердце. На этот раз – от этого бесхитростного вопроса. Он поднимает волну ненужных и запретных мыслей. Например, что мы с Таей действительно немного похожи: голубые глаза, светлые волосы. Редкие веснушки на носу.

– Вы тут похожи на Рапунцель... А почему у вас сейчас темный цвет волос?

Малышка, сама того не зная, швыряет меня в крошечную бездну, из которой я выбиралась не без посторонней помощи целых четыре года...

– Надоело быть светленькой. Перешла на темную сторону, – натянуто улыбаюсь. Возвращаю рамку на место и протягиваю руку Тае. – Пойдем в школу, мы немного опаздываем. По пути снова позвоним твоему папе.

Глава 8

Влада

Но, едва мы с Тасей оказываемся на улице, я замечаю свободное место на стоянке. Виктор обычно там паркует машину. И ощущаю болезненный укол в сердце от совести. Она поднимает голову и укоризненно смотрит на меня. поэтому первому я набираю мужу. Все же он не ночевал дома и до сих пор не объявился. А у него, как и у меня через полчаса начинается рабочий день...

Но на том конце провода я слышу только раздражающие гудки. Тяжело вздыхаю и набираю другой номер, который за прошлый вечер успела уже выучить наизусть.

Но и тут все без изменений: монотонный голос робота сообщает, что абонент недоступен.

– Не берет? – тяжело вздыхает Тая.

– Нет, солнышко...

Девочка лишь крепче обхватывает мою ладонь, и мы молча подходим к школе.

Какая-то неведомая сила заставляет меня повернуть голову в сторону парковки. заново ногу, чтобы сделать еще шаг по направлению к школе, но ставлю ее обратно.

Медленно разворачиваюсь, позабыв, что у меня «на прицепе» Тая.

Взгляд цепляется за до боли знакомую машину. Пытаюсь разглядеть номера, но они, как назло, оказываются заляпаны грязью.

Виктор? Что он здесь делает?! Он никогда не приезжал в такую рань в школу... Никогда меня не подвозил, потому что иначе опаздывал бы в офис... А мне всегда было проще добраться пешком.

Я делаю еще пару шагов, но машина резко срывается с места и с визгом выворачивает на дорогу.

Облегченно выдыхаю. Мысленно обзываю себя дурочкой и качаю головой.

Ну, конечно, это не Виктор. Он никогда не водит машину так агрессивно. Да и что ему тут делать?! В конце концов, он мог бы ответить на звонки и предупредить, что заедет... Да и смысл был приезжать к моей школе, а потом сбежать?..

– Влада Игоревна, – Тая дергает меня за руку. – Все хорошо? Вы куда? Школа же там...

– Да, – бормочу, возвращаясь в эту реальность. – Да, все хорошо. Извини, задумалась. Пойдем, Тая.

Завожу Тасю в ее класс под удивленный взгляд Лары. Она смотрит на меня, на свою ученицу, зачем-то отводит взгляд в сторону и стремительно бледнеет. Шумно сглатывает и прячет ладони за спину.

– Что это значит? – накидывается на меня вместо приветствия. Провожает глазами Тасю, которая уныло бредет на свое место, здороваясь по пути с одноклассниками.

Злость, которую я усиленно гасила весь вечер и все утро, вырывается наружу и выплескивается на голову подруги:

– Это значит, что я прикрыла твою задницу, Лара! – хватаю подругу за локоть и вывожу в коридор, чтобы первоклашки не подслушивали наш разговор. – Девочка ночевала сегодня у меня! А ее отец так и не перезвонил. А теперь представь, что было бы с ней, пройди я мимо! Как минимум, голодный обморок и травма на всю жизнь!

Лара прикрывает рот ладонью. Ее глаза готовы вылезти из орбит.

– Ее отец так и не объявился?! – ахает, хватаясь за сердце.

– Нет. И его телефон не отвечает. Ты мне точно дала правильный номер?

– Конечно! Я сама сейчас попробую ему позвонить.

Лара судорожно достает мобильный из кармана и тычет в экран. Но результат тот же: абонент не абонент.

– Ты позвонила в полицию? Директор в курсе?

– Что? – поднимает на меня расфокусированный взгляд. – Ах, да... Да, конечно, позвонила.

Пристально вглядываюсь в лицо Лары. Но тут звенит звонок, и я вынуждена уйти в свой кабинет.

В течение следующих уроков у меня нет возможности спуститься к Тае в класс. На переменах я по очереди пытаюсь дозвониться до Виктора, либо до отца Таи. Безуспешно.

В учительской я замечаю Лару. Она пьет чай, поглаживая выпирающий животик.

– Как там Тая? Ты смогла дозвониться до ее отца?

– До отца нет, но ее забрали. Можешь расслабиться, – Лара с невозмутимым спокойствием отхлебывает чай из кружки. – Что ты так за нее переживаешь? Как будто это твоя дочь.

– Я за любого другого ребенка переживала бы также, – бормочу, а внутри кошки скребут. Так сильно, что со стороны сердца начинает припекать. – А кто забрал?

– Какая-то женщина, – отмахивается Лара. Раздраженно ставит кружку на стол и, кряхтя, поднимается со своего места. – Няня, наверно. Она у них меняется почти каждый месяц.

Няня...

Тревога нарастает с каждой минутой. Хочется сорваться с места и бежать. Искать девочку, которая с первой минуты знакомства так запала мне в душу.

Да и о какой няне может идти речь, если еще вчера ее у нее не было?! И телефон отца все также недоступен...

Здесь что-то не так.

Я прокручиваю эти мысли по дороге домой, повышая градус своей тревожности.

Но все они отходят на второй план, когда я все же дозваниваюсь до мужа и слышу в трубке недовольное:

– Алло?

Глава 9

Егор

Вашу ж мать, какого хрена так больно?!

С трудом разлепляю веки и не понимаю, где нахожусь. Белый потолок, непонятного бежевого цвета стены. Кресло в углу комнаты у окна. Там же – девственно чистый небольшой стол. Больше напоминает простенький номер отеля.

Отличает лишь противный монотонный писк над головой. Дергаюсь, чтобы встать, и тут же писк вкручивается в виски, вызывая тошноту. Вскидываю руку, чтобы зажать уши, как в нее что-то впивается.

– Млять! – шиплю, поворачивая голову. Я точно в палате больницы, а в руку мне впивается иглолка от капельницы.

Зашибись! И какого хрена я тут делаю?! Я же в офис ехал...

В момент, когда я почти выдернул эту сраную иглолку, в палату вбегают врач и медсестры.

– Что вы делаете?! – орет та, что поменьше и вмиг оказывается рядом. Отбрасывает мою ладонь в сторону и снова вставляет иглу на место, прибавляя напор на капельнице. – Вам лежать нужно спокойно и не шевелиться!

– Как вы себя чувствуете? – спрашивает доктор, проглядывая какие-то бумаги из папки. Подозреваю, что связанные со мной.

– Как заново родился. Выспался, отдохнул на год вперед.

– Шутите? – усмехается доктор. – Очень хорошо, значит, идете на поправку. Галя, – обращается к мелкой, – общий анализ крови, проверим показатели. Давление. И капельницу повторить.

– Стоп, стоп, – торможу врача, поднимаясь на локтях. Все тело отзывается тупой болью, как будто оно – сплошной синяк. – Я подлечился в вашем санатории, спасибо. Когда я могу уйти?

Медики переглядываются и пытаются скрыть улыбки. Выходит откровенно паршиво.

– Уйти? – доктор качает головой. – А вы шутник, Егор Максимович.

– Да что происходит?!

– Вы попали в аварию два дня назад. На вас множественное количество гематом, вашу левую руку собирали как пазл трое хирургов в течение шести часов. У вас серьезная травма головы. И вам положен абсолютный покой в течение минимум десяти дней.

Смотрю на доктора, и бровь сама ползет вверх. И выходит что-то типа «Вы в своем уме?». Возникает неловкая пауза.

Но потом мой перетряхнутый мозг цепляется за одну фразу доктора. Внутри все холодеет, инеем покрывается. Но решаюсь уточнить, вдруг это у меня так мозги атрофировались, и это я не так понял?

«...два дня назад».

– Погодите, вы хотите сказать, что я здесь торчу уже два дня?!

И снова медики переглядываются. Доктор хмурится и подходит вплотную ко мне.

– Следите за ручкой. Хорошо. А теперь смотрите прямо, – светит мне прямо в глаза фонариком. – Все реакции хорошие, дружелюбные. Вы помните, как вас зовут?

– Да. Аверин Егор Максимович. Мне тридцать пять лет.

– Хорошо, – доктор что-то отмечает у себя в папке и, кажется, остается довольным моим осмотром.

– Так что, я действительно был без сознания два дня? – я начинаю закипать и поэтому повышаю голос.

– Да, все верно. И это чудо, что при такой травме головы у вас нет никаких серьезных последствий...

Но я больше его не слушаю. Не обращаю внимания на ор и суету медсестер.

– Вам же сказали, что...

– А я говорю, что не могу! У меня дочь! У нее, кроме меня, никого нет. И я понятия не имею, что с ней творится все эти два дня, и где она вообще! Где мой телефон?!

– Я сожалею, но ваш телефон разбился во время аварии. Поэтому мы не могли связаться с вашими близкими. Вас никто не искал. Единственное, в вашем кармане были права, оттуда мы знаем, как вас зовут.

Не с первой попытки, но я все же сажусь. Рука в гипсе отдает такой болью, как будто ее бензопилой пилят без наркоза.

Шиплю, зажмуриваясь до чертовых звезд перед глазами. Медсестра вмиг оказывается рядом и пытается уложить обратно, но я пресекаю ее попытку одним взглядом. Так, что она отшатывается назад.

Картинка плывет. Голова гудит и, кажется, как будто вообще не моя. Тошнит нереально. Но я стараюсь не обращать внимания на свое состояние. Гораздо больше меня волнует, как там моя дочь. Где она, с кем?!

Два дня.

Два гребаных дня!

Как назло, я три недели назад уволил очередную няню. Боже, где Тая вообще может быть?! Что случается с детьми, чьи родители пропадают? Куда их отвозят? В полицию? Детдом? Дом ребенка? Что там есть еще?!

Булат уехал с семьей в отпуск, наша секретарша и замы вряд ли начнут искать мою дочь. Да и они мало что знают о Таисии...А больше у нас с ней никого нет. Никого, кто мог бы позаботиться о моем ребенке, пока я валялся в клинике.

Вся надежда на учительницу и директрису школы. Что они ее не бросили. Но это мало утешает.

– Где мои вещи?

– Егор Максимович...

– Я все равно отсюда уйду! – ору так, что закладывает уши. И тошнота накатывает с новой силой. – У. Меня. Дочь. Одна. Два. Дня, – каждое слово заколачиваю в барабанные перепонки медперсонала.

Доктор недовольно морщится. Отворачивается к окну, задумчиво жуёт губу, о чем-то размышляя.

– Хорошо, – выталкивает из себя через силу. – Насильно удерживать вас здесь никто не имеет права. Я попрошу принести вам ваши вещи. Все, что от них осталось. И принесу выписку с моими рекомендациями. Настоятельно прошу – следуйте им. И сохраняйте постельный режим хотя бы дней пять. Тогда есть надежда, что вы снова не окажетесь на нашей больничной койке.

– Понял, док. Несите скорее вещи. Мне нужно искать мою дочь.

Глава 10

Егор

С огромным трудом, не без помощи медсестры залезаю в свои шмотки. Вернее, в то, что от них осталось. Девчонка смотрит на меня с немым укором, но молчит, поджав губы. А я, хоть и гордый и предпочитаю сам раздевать девушек, а не чтобы они меня одевали, от помощи отказываться не стал. С одной рукой я провозился бы до вечера.

Сползаю на первый этаж и падаю на диван для посетителей. Откидываю голову на спинку и тяжело дышу.

Как я в таком состоянии буду искать свою дочь?! Перед глазами вертолеты, ноги едва несут, руки трясутся... Еще тошнит, млять... У меня даже в самые отвязные годы после жуткого похмелья не было такого состояния.

Дерьмо.

– Куда же вы собрались? – раздается тихое над головой. – Вы же на ногах едва стоите...

– Мне нужно, – упрямо чеканю, с трудом поднимая веки и стараясь сфокусироваться на той, что несколько минут назад меня одевала. – По дороге оклемаюсь.

Медсестричка кривит губы, но ничего не отвечает. Лишь оглядывает меня с ног до головы и морщит свой аристократичный носик.

Да, выгляжу я как бомж. Одежда грязная, мятая, местами драная и залита кровью. Но другой нет. Я как сирота казанская, ей-богу. Даже передачи никто в больницу не принес.

По привычке похлопываю себя по карманам и только потом вспоминаю, что мой телефон пал смертью храбрых. Каким-то чудом только кредитка уцелела.

– Девушка, – окликаю медсестру и морщусь – в голову как будто молотком гвозди заколачивают. – Вы можете вызвать мне такси, пожалуйста?

Она лишь кивает и достает мобильный из кармана халата. Быстро тыкает и сообщает:

– Через три минуты подъедет черный кроссовер. Я вызвала вам тариф комфорт плюс, чтобы вас хотя бы в дороге не перетрясло.

– Спасибо большое.

Втягиваю в себя воздух, мобилизую все силы и отталкиваюсь от дивана. Как раз, пока едет такси, я сползу с главного крыльца – там целых шесть ступенек.

Пошатываюсь, едва принимаю вертикальное положение, и медсестричка тут же делает два шага навстречу.

– Все в порядке, –ставляю ладонь вперед. – Я сам.

К моменту, когда приезжает такси, я без сил падаю на заднее сидение. Водитель сначала разглядывает меня через зеркало заднего вида, а потом аж разворачивается. Хмурится и морщится. Кажется, даже принохивается.

– Тройной тариф, – хриплю, прикрывая веки. – Если поедешь сейчас и без лишних вопросов. И музыку выруби.

– Куда?

- Что? – морщусь и с трудом сглатываю ком тошноты.
- Ехать куда?
- В ближайший магазин техники. За телефоном.

Пока таксист разворачивается и везет меня в торговый центр через пробку, я выключаюсь. Мой мозг находится в периферийном состоянии: я чувствую, как меня трясет, как рука адски ноет, как тошнит. Но сил открыть глаза нет. Я просто не в состоянии этого сделать.

В себя прихожу, когда водитель резко тормозит, и я чуть не врезаюсь своей многострадальной головой впереди стоящее кресло.

- Приехали, – бубнит водитель, нахмурившись и сканируя меня в зеркале заднего вида.
- За тройной тариф можно было и поаккуратнее везти.
- А я не уверен, что у тебя есть деньги!

Достаю свою кредитку и молчаливо верчу в пальцах.

Лицо водителя моментально разглаживается, но легкое недоверие сохраняется.

- Я в магазин. За новым телефоном. Дождитесь меня.
- А деньги?..
- Маршрут не окончен. Ждите.

Мужик что-то бубнит себе под нос, тяжело вздыхает, но все же показывает пальцем вперед через водительское стекло.

- Я вон там буду, на стоянке для таксистов.
- Понял. Постараюсь недолго.

Но надо мной сверху как будто кто-то насмехается.

Я стою возле эскалатора, перечитываю бездушное «Не работает» и забористо матерюсь под нос. Судя по отшатнувшейся женщине и прилетевшему в спину «Хамло», я все это произношу вслух.

А все потому, что нужный мне магазин находится на втором этаже. Лифт – в другом конце первого этажа. Если я до него доползу, то выпаду на втором этаже и уже никуда не сдвинусь.

Поэтому выхода нет – придется подниматься.

Стиснув зубы, вцепившись здоровой рукой и делая передышки на каждой пятой ступеньке, через целую вечность оказываюсь на втором этаже. Плюсом к моему «презентабельному» внешнему виду добавляются испарина на лбу, одышка и желание выплюнуть внутренние органы.

Разумеется, из-за этого ни один консультант не спешит ко мне с предложением их новинок и лучших моделей. Смотрят брезгливо, а старший, кажется, держит руку на кнопке вызова охраны. Надо будет оставить им отзыв на сайте, что клиентоориентированности у них ноль.

– Последнюю модель... «яблока» дайте... пожалуйста, – выдыхаю сквозь зубы. Каждое слово дается с трудом.

Но парень не спешит шевелиться. Смотрит на меня, выгнув бровь. Почти как «мой» таксист. И только когда я во второй раз проворачиваю фокус с кредиткой, он оживляется.

– И данные восстановите, пожалуйста, – подрагивающей рукой на клочке бумаги царапаю свою почту. – Вот с этого облака все загрузите.

– Сейчас все сделаю, – оживляется парниша, когда статус моей покупки становится успешным. Вежливость мгновенно взлетает на сто пунктов. – Чехольчик, наушники желаете? – Свалить отсюда скорее желаю.

Консультант поджимает губы и стреляет в меня недовольным взглядом. Плевать. Сил на вежливость, тем более, там, где ее не заслуживают, не осталось.

Выползаю из магазина и падаю на ближайшую свободную скамейку. Пока беру передышку и отдаю команду желудку не выворачиваться наизнанку, мессенджеры и раздел входящих наперебой пиликают, уведомляя о пропущенных звонках и сообщениях.

Смахиваю все одной рукой и залезаю в контакты. Нахожу номер классной руководительницы Таи и набираю. Жду один гудок, второй, третий... Не отвечает.

Какого хрена?! Сейчас как раз время продленки, и учительница точно должна быть в школе!

Набираю еще раз, но картина не меняется – мне никто не отвечает.

Лаааадно, допускаю, что она занята детьми, ее телефон в сумке, и Лариса Петровна просто не слышит.

Отталкиваюсь здоровой рукой, стискиваю зубы, едва принимаю вертикальное положение – все тело снова откликается болью. Повторяю подвиг на бис – спускаюсь на первый этаж. У выхода вовремя замечаю аптеку и направляюсь туда. Шлепаю на прилавок рецепт от доктора, а на терминал – карточку. Получаю свои лекарства, нахожу в пакетике обезболивающее и прямо у кассы закидываю две таблетки, запивая минералкой.

Выползаю из аптеки и снова падаю на скамейку. Пока жду «приход», достаю из кармана пальто разрывающийся мобильный. Сбрасываю вызов с какого-то номера, хочу смахнуть сообщения, но меня неожиданно цепляет самое последнее.

Какой-то незнакомый номер звонил мне двенадцать раз. Что за настойчивость?! Проваливаюсь в сообщение и вглядываюсь в цифры. Пытаюсь откопать в недрах памяти, кому же принадлежит этот набор, но ничего не выходит. Этот номер мне незнаком. А вот его владелец, похоже, меня знает...

Сверху выплывает входящее в мессенджере. Читаю начало, и по спине катится ледяной пот.

«Здравствуйте! Егор Максимович, Тая у меня...»

Какого хрена, млять?!

Я уже не обращаю внимания на свое состояние и несколько раз подряд нетерпеливо жму по сообщению. Открываю, перечитываю несколько раз и выдыхаю, прислоняясь затылком к прохладной стене.

«Здравствуйте! Егор Максимович, Тая у меня. Вы не забрали ее вовремя со школы, и я была вынуждена отвести ее к себе. Ваша дочь ждет вас по адресу: Энтузиастов, 15 – 102. Влада Игоревна.»

Жди меня, моя малышка, папа уже едет к тебе.

Глава 11

Егор

Обезболивающее начинает действовать, и я уже не напоминаю себе рухлядь. Отголоски боли еще присутствуют, но состояние вполне терпимое. Заруливаю по пути к банкомату, разживаюсь наличностью.

Выхожу на улицу, ветер сразу же ударяет в лицо, а ноги разъезжаются. Да, давайте! Только упасть мне еще не хватало! Чтобы снова встретиться с врачом, который по частям будет теперь мне ногу собирать!

Как назло, мой таксист остановился в самом конце парковки. Иду к нему, пробираясь сквозь спешащих людей. Скоро Новый год, и все они торопятся, видимо закупить подарков близким. Наверно, я единственный, кто еще не приготовил подарок от Деда Мороза своей дочери.

Чудом не поскользнувшись на льду, доползаю до такси и заползаю на заднее сидение. Протягиваю хрустящую купюру и коротко велю:

– На Энтузиастов. Поехали поскорее. Меня дочь заждалась.

– На Энтузиастов так на Энтузиастов, – сразу веселеет мужик.

Но тут меня ждет облом.

Ни моей дочери, ни Влады Игоревны нет.

Я колочу в дверное полотно, и едва не выношу его, когда распахивается соседская дверь.

– Ты что творишь?! – рявкает женщина преклонного возраста. – Что нужно? Я сейчас полицию вызову!

– Не надо полицию. Мне Влада Игоревна нужна. Я дочь свою ищу.

– Вот родители, – цокает, качает головой и едва не сплевывает мне в ноги, оценив мой внешний вид. – Даже домой к учителю припрутся, лишь бы оценку хорошую своему спинोगрызу выбить. Нет Владочки! На работе она еще! Ищите там!

И захлопывает дверь, не дав мне и слова вставить.

Что ж, на работе так на работе. Придется в школу ехать. Я так и так собирался начать поиски отсюда.

Но и тут не все гладко.

Ни Влады Игоревны, ни классной руководительницы Таи нигде нет. Как и моей дочери. Все ее одноклассники есть, а Авериной Таисии нет.

– Где. Моя. Дочь?! – рявкаю на завуча, опираясь здоровой рукой на стол. Я порядком подзадолбался: никто не смог найти ни Владу Игоревну, ни Ларису Петровну. Мне пришлось обойти полшколы в поисках этих двух женщин, но меня только швыряли из кабинета в кабинет. И мое волнение за своего ребенка достигло своего пика. И я едва держу себя в руках, чтобы не разнести эту элитную, млять, школу.

– Успокойтесь, папаша, – гундосит завуч, поправляя очки на переносице. – Вы для начала представьтесь. У меня полторы тысячи учеников, я физически не могу знать всех родителей в лицо.

– Аверин Егор Максимович. Отец Таисии, из первого «А». Я не могу найти ни классную руководительницу, ни свою дочь. Где она?

Завуч снова смеряет меня взглядом. Только на этот раз пренебрежительным и брезгливым. Откидывается в кресле и складывает ладони в замок на животе.

– Опомнились, папаша. А где вы шля...были два дня?! Вашей дочери здесь нет.

Шлепаю перед ней выписку из больницы.

– Где. Тая?!

Завуч приподнимает очки, бегло читает, шевеля губами, и стремительно бледнеет.

– Но...мы же не знали...Нас никто не поставил в известность...

– Где она?! Говорите уже, млять!

– Так забрали...Из службы опеки...Поймите, за девочкой никто не пришел, мы вынуждены были сообщить в соответствующие органы...

Вашу ж мать!!!

Ни хрена не понимаю!

– А как же Влада Игоревна?! Она забирала ее. Даже писала мне об этом! – трясущимся голосом в воздухе.

Завуч складывает губки куриной попкой и вскидывает подбородок, слегка прищуриваясь.

– Она не имела на это никакого права. Не переживайте, мы с ней сами разберемся...

– Куда?! Куда повезли Таю?

– Я точно не знаю, но я слышала что-то про детский дом номер один...

МЛЯТЬ.

Глава 12

Егор

Не тружусь даже запахнуть пальто. Едва покидаю стены этой шараги, ветер в лицо швыряет мне пригоршню колючего снега.

Но я не обращаю на это внимания. Ничего не чувствую. Ни холода, ни боли.

Только животный страх за своего ребенка. За то, что она оказалась одна хрен пойми где. Я даже представить не могу, насколько ей страшно. Больно.

И от этих мыслей печет в груди. Растираю там, где сердце бухает о ребра, и осторожно схожу со ступеней, по пути пробивая в навигаторе адрес детского дома.

– Отвезите меня на Петрозаводскую, дом шестнадцать, – отрывисто бросаю водителю. Откидываю голову на спинку сидения и стараюсь дышать глубоко и ровно, чтобы унять подкатывающую тошноту. Чертово сотрясение.

– Так это детский дом! – удивленно восклицает мужик.

– И?! – раздраженно рявкаю, приоткрывая один глаз.

– Вам точно нужно туда?..

– Просто. Отвезите. Меня. В этот. Сраный. Детский. Дом.

Водитель наконец-то соображает, что нужно просто молча выполнять мои инструкции за тройной-то тариф. Заводит автомобиль и вырывается на дорогу.

Сжимаю и разжимаю ладони, пытаюсь унять вибрацию в своем теле. Оно натянуто, как струна. Одно неверное движение, и я нахрен сдетонирую.

Я понимаю, что администрация школы поступила по инструкции. Понимаю, что они по-своему правы.

Но, млять!

Неужели нельзя было отнестись по – человечески?! Попытаться найти меня? Связаться на крайний случай с секретарем нашей с Булатом фирмы! Уж она забрала бы Таю. Догадалась бы.

Я ведь, когда устраивал дочь в эту элитную, мать их за ногу, школу, заполнил хренову тучу бумаг! На ипотеку столько не оформляют, сколько при приеме первоклашки! И я не раз указал место работы и контактные данные.

Но завуч и директриса поступили как удобнее. Как проще. Не задумываясь совершенно, что перед ними напуганная девочка. По сути, ребенок совсем. У которого пропал отец. Единственный родитель, между прочим. Не смог забрать со школы.

И я каждый месяц отваливаю ах...лиард денег, чтобы администрация поступала вот так. Как солдаты бездушные. Классному руководителю все до лампочки касательно ее учеников...Какого хрена эти люди вообще работают в системе образования?!

Боже, Тая, наверно, думает, что я ее бросил...

Зарываюсь пальцами здоровой руки в волосы и стону. От душевной боли за своего ребенка.

– Случилось чего? – осторожно обращается водитель, ловя мой взгляд в зеркале заднего вида.

– Случилось... – глухо повторяю, отворачиваясь к окну. Рука на перевязи начинает ныть – обезболивающее, похоже, отпускает. Или же просто на нервной почве. – Дочку ищу.

Мужик глубоко задумывается, хмурится. Так сильно, что между бровей пролегает складка. Но молчит до самого конца пути, напряженно вглядываясь в дорогу через лобовое стекло.

Когда он останавливается у центрального входа, я снова завожусь. Здание старое, серое, в ужасном состоянии. С деревянными окнами и кое-где облупившимся фасадом. Тут и не пахнет гостеприимством и детством. От этого здания разит безнадежностью, обреченностью и злобой. Если бы не дочь, хрен бы я переступил его порог.

– Спасибо, возьмите, – протягиваю мужику несколько хрустящих купюр за поездку.

Притихший водитель молча берет деньги и, даже не взглянув на них, кидает на переднее сидение.

– Я вон там буду, в «кармашке», – неожиданно заявляет мужик.

Замираю от услышанного.

– Я могу надолго задержаться. Пока оформят бумаги, пока пройду всю бюрократическую хрень...

– Неважно, – обрубает водитель и наконец поворачивает ко мне голову, серьезно глядя в глаза. – У меня тоже есть дети. Я подожду.

Всматриваюсь в лицо мужика, с которым мы не поладили сначала, и с благодарностью киваю. Протягиваю руку, и тот с готовностью ее пожимает.

Глава 13

Егор

Выхожу из машины и ускоряюсь, как могу. В конце чуть ли не на бег перехожу и влетаю в здание детдома.

На посту охранник лениво поднимает голову и осматривает с головы до ног. Брезгливо морщится, в глазах зарождаются первые признаки неприязни.

– Вам чего надо? – лает вместо приветствия.

– Дочь забрать. Ее вроде сюда привезли со школы. Таисия Аверина.

– Что, папаша, проспался и вспомнил, что у тебя ребенок есть? – усмехается, не торопясь меня пропускать через турникет.

Оглядываю свою грязную одежду и скриплю зубами. Матерюсь себе под нос и призываю все остатки благоразумия, чтобы не дать этому охраннику, возмнившему себя крутым мужиком с яйцами, в бубен.

Очень стараюсь.

– Не ваше дело. Где я могу забрать ребенка?

– Тебе что тут, магазин? – подается вперед и оскаливается. Проверяет границы моего терпения. И он их, стоит отметить, уже несколько раз нарушил за эту минуту. Я на грани. – Захотел, приперся и забрал ребенка обратно?

– Как. Я. Могу. Это. Сделать?

– К директору нужно идти, – меланхолично бросает мужик. Снова медленно прогуливается по мне взглядом и усмехается своим мыслям. – Паспорт давай.

– Паспорта нет. Вот, – протягиваю чуть помятое водительское удостоверение, лежавшее в одном кармане с кредиткой, оттого и уцелевшее.

– Без паспорта не пушу.

– У меня права есть, – цежу, теряя терпение и вновь тычу ими едва ли не в лицо обнаглевшего мужика.

– И что? Это не замена документу, удостоверяющему личность, – упрямо твердит свое мужик.

– Послушайте, у меня там дочь... Она меня ждет. Ну, будьте вы человеком...

– Паспорт покажи, и тогда пушу. Без паспорта не положено.

Зверею, представив, сколько дней займет восстановление чертового паспорта. И все эти дни моя дочь будет в этом, с позволения сказать, учреждении. Одинокая и напуганная.

Представляю в красках и мгновенно зверею. И... опираюсь здоровой рукой о турникет и просто перепрыгиваю через него. Я заберу своего ребенка чего бы мне это не стоило.

Несусь на второй этаж, перескакивая через ступеньку.

– Эй, ты куда! Стой! Стой же ты! – мужик с поста за мной.

– Тая! – ору во всю силу легких на весь коридор, заглядывая в каждую дверь. – Таисия! Та-я!

– Что здесь происходит? – на моем пути возникает необъятных размеров женщина. Судя по ее виду – директор этой богадельни.

– Я ищу свою дочь, – задыхаясь и складываясь пополам от боли во всем теле, выдаю я. – Аверина Таисия. Вам на днях ее привезли. По ошибке.

– А вы...

– А я – ее отец. Когда я могу, в конце-то концов, увидеть и забрать свою дочь?!

– Не орите, – властно обрубает женщина, как и охранник несколько минут назад, прогуливаясь по мне взглядом. – Документы предъявите. Сначала докажите, что вы – папаша. А то вы все сначала шляется, где попало, забываете о ребенке, а потом приходите и права качаете. Плавали, знаем.

Эта женщина возмущенно бубнит еще что-то, пока я протягиваю зажатые в ладони права. Я не слушаю ее, считаю до десяти, пытаюсь успокоить кипящий в крови адреналин, требующий выхода.

Отворачиваю голову к окну, надеясь, что хотя бы падающий снег успокоит нервы.

Но хрена лысого.

Становится только хуже от увиденного.

В долю секунды мне срывает тормоза.

– МЛЯТЬ! – и в следующую секунду несусь на выход, забив на свое состояние.

В окне я замечаю, как во дворе толпа ребят окружили мою дочь и толкают ее от одного к другому. Эта картинка перед глазами на повторе, и мои глаза наливаются яростью. Сжимаю кулаки до хруста суставов.

Если хоть один волос...если хоть одна слезинка...

Уничтожу.

Всех.

И каждого.

– ТАЯ! ТААААЯ! – ору, как обезумевший. Пошатываюсь, но не падаю.

Дочь резко вскидывает голову. Замечает меня. И срывается с места, расталкивая обидчиков локтями.

– Папа! – бросается в мои объятия. Ловлю ее здоровой рукой, но наше столкновение все равно очень сильное, и я падаю на колени прямо в грязный снег. Тая утыкается мне в шею и рыдает в голос, содрогаюсь всем телом. Она как никогда близка к истерике. Цепляется за пальто на спине пальчиками и с силой стискивает меня в своих объятиях. – Папочка! Ты пришел! Ты пришел, папочка...

Глава 14

Егор

Прикрываю глаза и стискиваю зубы, чувствуя, как крошится эмаль. Обнимаю дочь сильнее и прижимаю к себе, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце.

– Я здесь. Я с тобой, моя родная, – бормочу, стирая большими пальцами крупные слезы с ее щек. Мой голос хрипит, как будто в горле резко пересохло. – Все хорошо... Не плачь, пожалуйста. Я здесь, мое солнышко. Я тут. Прости. Прости, что так вышло.

– Я...я... думала, – заикается, все еще захлебываясь слезами. Мысленно всех, кто причастен к истерике моей дочери, сжигаю на костре. Я обязательно воплещу свои намерения в жизнь, но чуть позже. – Что ты меня бросил... Ребята сказали, что я тебе не нужна...поэтому ты отдал меня в детский дом.

– Глупости, – зацеловываю щеки, заводясь с пол-оборота. Выть в голос хочется, глядя на то, как дрожит моя девочка. А в ее глазах все еще плещется вселенский страх, несмотря на то, что я рядом.

А еще горю желанием разорвать этих малолетних придурков.

Строго смотрю прямо в бездонные голубые глаза. Понижаю голос, чтобы услышать могла только Тая.

– Я тебя никогда не брошу. Ты же моя девочка. Моя самая любимая доченька. Поняла?

Таисия незамедлительно кивает. И тут же шмыгает носом. Не вздрагивает, и уже хорошо. Маленькая победа. Здесь и сейчас меня волнует только ее самочувствие и состояние. С остальным я разберусь.

Доча медленно сканирует меня взглядом. И чем ниже она спускается, тем сильнее хмурится. А, когда видит загипсованную руку, ее глазки вообще округляются от ужаса.

– Папочка, что с тобой? – тянет дрожащие пальчики к гипсу, но тут же их отдергивает. – Ты упал? Поранился? Твоя рука болит?

– Ерунда. Все прошло уже, как тебя увидел. Погоди...

Тая склоняет голову набок, и я замечаю то, чего не видел в предыдущем ракурсе. Осторожно поворачиваю голову своей малышки и замечаю багровый след на ее щеке.

– Что это?! – рявкаю отрывисто, на что Тая вздрагивает и опускает глаза в пол. Как будто она в чем-то виновата. Осторожно обвожу пальцем начинающий багроветь синяк, и ощущаю фантомную боль на своем лице. Как будто это меня приложили.

– Меня толкнули, я упала и ударилась о ледышку...

Пипец. Просто конкретный.

Перед глазами пелена. Чертовое состояние аффекта, в котором я способен уничтожить любого, когда дело касается моего ребенка.

Я, млять, камня на камне тут не оставлю.

Медленно поднимаюсь на ноги, по очереди оглядывая «героев». Они понимают, что следующие в очереди на раздачу после директрисы, и дружно отступают назад. Но упрямо смотрят исподлобья, опаливая нас с Таей ненавистью. Волчата.

Как будто мы с дочерью виноваты, что они оказались в этом убогом, Богом забытом месте.

Хочется руки переломать каждому, кто дотронулся до моей дочери. Кто ранил ее словами. Но я не могу себе позволить опуститься до их уровня. Это все же дети. Озлобленные, недолюбленные и жестокие. И такими их сделала система. «Ларисы Петровны» и директрисы, подобные той, что останавливается передо мной.

Она сверкает глазками, тяжело дышит, задыхаясь от недолгой, но стремительной погони. А я молча уничтожаю ее взглядом, разжимая и сжимая кулаки. Задвигаю дочь за спину и одним своим видом даю понять – не отдам. Она моя.

Адреналин бурлит в крови, и я на грани, чтобы сотворить какую-то дичь.

Например, убить кого-нибудь.

Можно начать с директрисы. Для этого мне одной здоровой руки будет достаточно.

Ведь это она виновата в том, что ее воспитанники остаются без присмотра. Она виновата, допуская, чтобы новенького гнобили и избивали за то, что у него есть один, но родитель.

– Отойдите от девочки! – некультурно тычет в меня пальцем. – Вы не пойми кто...

– Это не «не пойми кто», – кричит Тая из-за моей спины. – А мой папа! И он меня заберет! Я с ним пойду домой!

– Я сейчас вызову полицию!

– А вызывайте! – взрываюсь, прижимая Таю крепче к своему бедру. – И будете заодно им объяснять, как так вышло, что вы не доглядели, и ваши воспитанники толпой избивают моего ребенка!

Разворачиваю лицо дочери той стороной, чтобы было лучше видно багровый синяк. Директриса открывает и закрывает рот, переглядываясь с охранником. Сдувается. Понимает, что дело пахнет жареным.

– Но я не могу отдать вам ребенка без паспорта. Меня же могут проверить...

Растягиваю губы в улыбке Джокера. Директриса сглатывает и отступает на шаг назад. Понимает, что ее карьера близится к закату. С моей помощью.

Достаю всю наличность из кармана и швыряю к ногам этой тетки.

– Вот мой паспорт. Подавитесь.

Здоровой рукой подхватываю дочь. Она сразу обнимает меня ногами и руками, как обезьянка. Утыкается носом в щеку и постоянно целует, без остановки повторяя: «Папочка... Мой папочка любимый...». И никакие обезболы не нужны, лишь бы вот так мой ребенок был рядом.

Мы уходим, не оглядываясь. И нас никто не пытается остановить.

Глава 15

Егор

– Папочка, – Тая поворачивается на бок и натягивает одеяло до самой шеи. Подпирает ручкой щеку и смотрит на меня с хитринкой. Точно что-то задумала и просить будет. – А давай вместе сходим к Владе Игоревне в гости? Она готовит очень вкусные макароны с котлетами. А еще блинчики! Ну, пожаааалуйста, папуль!

Точно!

Влада Игоревна!

Это единственная учительница, которая не прошла мимо моего ребенка и забрала Таю к себе. Нужно будет обязательно с ней познакомиться и лично поблагодарить.

– Пап?

– Насчет гостей ничего не могу обещать – все-таки сваливаться, как снег на голову, не очень прилично, – шелкаю дочь по носу и наслаждаюсь ее тихим переливчатым смехом. – Но я постараюсь что-нибудь придумать. Но позже. Пока мне нужно немного подлечиться, а тебе – отдохнуть. Проведем время вместе, ты же так этого хотела. Договорились?

– Я люблю тебя, папочка, – бормочет мой смысл жизни, прикрывая глазки. Придвигается ко мне вплотную и осторожно обнимает, чтобы не потревожить больную руку.

За семь лет я слышал эту фразу миллион раз. И каждый раз она звучит так же искренне, как в первый. И каждый раз я улыбаюсь как самый счастливый человек в мире. Чмокаю дочь в макушку и смеживаю веки буквально на пять минут. Я так сегодня устал...

– Папочка...Папа...Не уходи...Не уходи! – прямо в ухо прилетает крик, полный отчаяния.

Тая со всей силы вцепляется в мою сломанную руку, как клешнями. Распахиваю глаза от адской боли. Беззвучно ору, чтобы не напугать ребенка.

Оказывается, я все же задремал рядом с дочерью. А ей снится кошмар. С**а, все из-за этих ...правильных, мать их, чиновников!

– Тишшшш, солнышко. Я здесь. Я рядом. Это сон. Просто плохой сон...

Осторожно убираю со лба светлые влажные пряди и подтыкаю одеяло. Целую в пухлую щеку и еще какое-то время сижу рядом, держа дочь за руку. И Тая, кажется, немного успокаивается.

Стиснув зубы, поднимаюсь с узкой кровати. Оборачиваюсь и вглядываюсь в нахмуренное даже во сне личико дочери. Внутри кипят эмоции, толкая меня на то, чтобы поставить на место тех, кто сотворил такое с моим ребенком.

И решение приходит мгновенно.

Я точно так этого не оставлю.

Я слово дал.

Бреду на кухню – принимать очередную порцию медикаментов. По пути достаю мобильный и набираю юриста.

– Да, Егор Максимович, – парень отвечает практически мгновенно и абсолютно бодрым голосом. Как будто только и делает, что ждет моих звонков.

По пути домой я уже с ним созванивался, обрисовал ситуацию и перекинул часть своих обязанностей на него.

– Вениамин, у меня к тебе просьба. Срочная, важная и очень личная.

– Слушаю, – шелестит на заднем плане бумагой, как будто собирается записывать. – Весь во внимании.

– Мне нужно, чтобы ты по своим каналам организовал проверки двух объектов: элитной гимназии и детского дома номер один.

– Понял. Цели?

– Цели... Просто провести тщательную проверку, – плотоядно усмехаюсь, в красках представляя, какой ад будет царить в ближайшее время в двух учреждениях. – Попроси, чтобы отправили самых вьедливых и дотошных. Нужно каждую бумажку под лупой разглядеть. В гимназии нарушений вагон и маленькая тележка. Педагог в первом «А» классе равнодушная и жестокая. Нарушает правила. Хотя бы распорядок в школе. Оставляет детей без присмотра. Да полно всего, надо только покопаться. В детском доме директор нечиста на руку, взятки берет. Дети на зверят по поведению похожи. Предполагаю, ими там не особо и занимаются.

– Понял. Дальше что делать с полученными данными?

– Дальше... Да ничего особенного, – улыбаюсь в предвкушении, глядя на ночной город из окна. – В случае со школой нужно все обнародовать. Подключить общественность, блогеров. Нужно будет дать огласку. Фамилию учительницы и завуча должны полоскать все, кому не лень. Из каждого утюга. Страна должна знать своих «героев». Чтобы их даже в Мак и супермаркеты кассирами не взяли. Им не место в образовательной системе. В этой школе, как мне известно, учатся сын мэра, прокурора и, если мне не изменяет память, дочери пары депутатов. Они справятся сами. А результаты по детскому дому просто пусть занесут в контролирующую инстанцию. Мне нужно, чтобы там полностью сменили руководство и воспитателей, которые плюют в потолок. И выдали им также волчий билет. В этом городе для них вакансий больше нет.

– Будет сделано, Егор Максимович.

– Спасибо, Вениамин. Спокойной ночи.

Отбиваю вызов и прикрываю глаза.

Вот теперь я доволен. Вот теперь я спокоен.

Теперь все как и должно быть – каждый получит по заслугам.

Глава 16

Влада

– Ты приедешь сегодня домой?

– Я... не знаю, – бурчит Виктор. Он часто и прерывисто дышит в трубку, как будто куда-то торопится. – Посмотрим. Может, в офисе заночую. Мне теперь разгребать все дерьмо из-за сорванного контракта. Ладно, мне пора. Пока.

Я тяжело вздыхаю и медленно отнимаю трубку от уха. Гляжу в окно на кружащиеся в вихре снежинки.

За те три дня после того, как я не пошла на мероприятие мужа, он домой являлся только для того, чтобы переодеться и сходить в душ.

Да, он и раньше часто и много задерживался в офисе. Было много командировок, потому что у Виктора цель масштабировать бизнес. И я всегда отношусь к подобному с пониманием – работа есть работа.

Но эти два дня мы практически не общаемся. Виктор мне не звонит. Лишь писал два коротеньких сообщения: «Я сегодня не приду ночевать. Много работы.»

Я сама набирала его дважды. Чтобы спросить, как дела на фирме, как он сам. Муж отвечает отрывисто, нехотя. Как будто я его раздражаю, как несмышленный ребенок.

Виктор все еще дуется на ту выходку. Хотя я все объяснила и извинилась. Но почему-то впервые этого моему мужу недостаточно.

Я понимаю, что это дурные звоночки, но и валяться в ногах, что впервые за десять лет брака пропустила мероприятие по более, чем уважительной причине, не буду.

Но не натянутые до предела отношения с мужем меня беспокоят.

А то, что Тая третий день не появляется в школе.

Телефон Егора Максимовича по-прежнему молчит. Вызовы проходят, но он не берет трубку.

Лариса понятия не имеет, где ее ученица. И даже не беспокоится об этом. На мои неоднократные вопросы лишь отмахивается, как от надоевшей мухи.

А у меня сердце не на месте. Удивительно, но за один вечер и одну ночь эта девочка запала мне в душу. Зацепила. Сильно. До ускоренного сердцебиения и улыбки на все лицо, стоит только вспомнить ее неподдельный восторг блинчикам.

Прикрываю глаза, и мгновенно вырастает Тая. Такая хрупкая, нежная, потерянная и беззащитная. Меня прямо ломает от желания обнять и прижать девочку к себе. А ладони зудят – хочется снова заплести ей косички, от которых Таисия была в восторге.

– Влада... Влада Игоревна! – голос секретаря врывается в сознание, и образ Таи рассеивается.

С неудовольствием смотрю через плечо.

– Да?

– Вас директор вызывает.

Сердце пропускает удар. Внутри зарождается непонятное и необъяснимое чувство тревоги.

– Зачем? – осторожно интересуюсь, поворачиваясь всем корпусом к дверям.

– Не знаю, – девушка пожимает плечами. – Но Светлана Михайловна сказала, что это срочно.

Тяжело вздыхаю. Я догадываюсь, зачем меня вызывают. И практически уверена, что без выговора не обойдется.

Директор вообще меня не любит. Наши отношения испортились после того, как я отказалась за деньги пририсовывать оценки за четверть некоторым ученикам по своему предмету.

Меня упрасивали родители, потому что их чадушкам нужна золотая медаль. Меня упрасивала директор, чтобы угодить этим родителям. Но я стояла твердо на своем. Эти ученики прогуляли более семидесяти процентов уроков, совершенно игнорировали домашнее задание. За что я должна поставить им «отлично»?! Это, как минимум, не справедливо по отношению к тем, кто старательно писал сочинения и эссе.

С того самого момента Светлана Михайловна не упускала возможности отчитать меня за любую, даже самую незначительную, оплошность. Но я старалась не давать поводов.

И мне это удавалось. До событий трехдневной давности.

Незаметно выдохнув, направляюсь за секретарем. Подхожу к двери директора и, провожаемая сочувствующим взглядом секретаря, заносу кулак. Замираю, выдыхаю, мысленно досчитав до трех, и только тогда стучу.

– Войдите! – властно отзывается Светлана Михайловна.

Переступаю порог кабинета, и одновременно с этим директор вскидывает голову. Улыбка на ее лице из доброжелательной перетекает в хищную, глаза сужаются.

– А, Павлова, – небрежно роняет, откидываясь на спинку стула. – Заходите.

Директор не предлагает мне даже сесть. Значит, могу надеяться на то, что долго меня отчитывать за «провинность» не будут.

Но я даже не представляю, что меня ожидает моральная порка.

– Влада Игоревна, подскажите, пожалуйста, насколько хорошо вы знакомы с кодексом этики нашего учреждения? – вскинув подбородок и выпятив губы, надменно интересуется директор.

– На тестировании перед началом учебного года я получила десять баллов из десяти, – сдержанно поясняю, сцепив ладони перед собой. Я уже понимаю, к чему клонит Светлана Михайловна, и готова к обороне. – Вы же знаете.

– А я вот не уверена. Мне кажется, вы за эти несколько месяцев успели его подзабыть.

Молчу, сдерживаясь изо всех сил. Предыдущий опыт показал, что если я буду придерживаться этой тактики, то освобожусь гораздо быстрее.

Директор подается вперед. Сцепляет руки перед собой на столе и смотрит на меня сверху вниз. Даже несмотря на то, что сидит, а я стою перед ней.

– Подскажите, пожалуйста, Влада Игоревна, – шипит, как змея, выделяя каждое слово, – почему вы не сообщили мне, что ученица нашей школы оказалась у вас дома? Почему я узнаю об этом только на утро следующего дня?!

– Я...

Хочу сообщить, что вообще-то это должна была сделать Лариса, моя подруга.

Но следом в голове вспыхивает вопрос: а подруга ли она мне после этого?! Если не потрудилась поставить в известность директора вечером, как и должна была, да еще и не забыв сообщить, что это именно я забрала девочку.

Но Светлана Михайловна не дает мне и слова вставить в собственное оправдание.

– Как вы вообще допустили подобное?! А если бы с девочкой что-нибудь случилось?! Вы вообще соображаете, что тогда бы сделал со школой ее отец?!

– С ребенком все в порядке, – все же цежу, выплевывая каждое слово. – И я поступила так, как того требовали обстоятельства. Или вы предпочли бы, чтобы я оставила девочку на ночь в школе?

Светлана Михайловна багровеет. Расстреливает меня в упор злым взглядом. Поджимает губы и дышит, как дракон. Впрочем, довольно быстро тушит эту вспышку гнева, снова становясь чопорной и высокомерной дамой.

– Вы не имели никакого права допускать подобную вольность. Вы просто обязаны были поставить в известность меня и полицию, – стискиваю зубы и кулаки, ногтями врезаясь в нежную кожу ладоней. – Надеюсь, это послужит вам уроком на будущее. Вы уволены, Влада Игоревна. Но я все же не хочу портить вам жизнь и поэтому позволю написать заявление по собственному желанию.

Меня как холодной водой окатили. Стою ни жива, ни мертва. Все вокруг поставлено на паузу, а в висках пульс отбивает в бешеном ритме:

Вы уволены, вы уволены, уволены, уволены...

Нет, нет, нет!

И еще раз нет!

Я не могу потерять работу!

Она мне очень нужна! Это то, что меня спасает и не дает скатиться в бездну...

– За что?!

– Как за что? – притворно вскидывает брови Светлана Михайловна и смотрит на меня, как на дурачку. – Я же говорю: за нарушение правил школы. И, кстати, отец этой девочки того же мнения.

Глава 17

Влада

Директор двумя пальцами подхватывает листок сверху стопки бумаг и швыряет его в мою сторону по поверхности стола.

Не притрагиваясь, словно он заразный, пробегаюсь взглядом по написанному размашистым почерком.

Трясу головой, но смысл прочитанного не меняется – я виновата, в том, что забрала Аверину Таисию ночевать домой и не имела на это права. Егор Максимович требует расправы надо мной и согласен только на увольнение.

– Это какой-то бред, – мой голос осип, и слова даются мне с трудом. Опускаю голову, чтобы не показывать злых обжигающих слез. Грудь сковало от обиды и несправедливости. Не зря говорят, что благими намерениями выстлана дорога в ад. – Если уж на то пошло, классный руководитель вообще оставила Аверину одну без присмотра. Почему претензии Егора Максимовича и у вас именно ко мне?!

Светлана Михайловна смеряет меня снисходительным взглядом и снова смотрит, как на дурочку. Вздыхает и, как самому нерадивому двоечнику, разъясняет прописные истины:

– Не стоит пытаться подставить коллег, Влада Игоревна. Формально Лариса Петровна не нарушала правил школы. Более того, по закону она имеет право посещать врача в любое время. Закон в нашей стране на стороне беременных. Более того, девочка оставалась под присмотром. А вы взяли и увели ее.

И пока я задыхаюсь от такого неслыханного, абсурдного заявления и нахожусь в нокауте, директор добивает меня:

– Помимо этого заявления на вас есть еще одна коллективная жалоба. Вот, ознакомьтесь.

Осторожно выхватываю исписанный листок с приложением каких-то фотографий и скринов. Сощуриваюсь, вчитываюсь в текст. Я понимаю буквы, понимаю слова по отдельности. Но вот в цельную картину заявление не складывается.

После третьего прочтения до меня начинает доходить.

Родители одного из пятых классов жалуются, что я непонятно подаю информацию, что многое ученикам приходится изучать самим. Более того, они считают меня аморальной женщиной: нашли мою фотографию трехлетней давности в моих личных социальных сетях. Я там на новый год стою у елки с бокалом шампанского в руках. Оказывается, так я пропагандирую алкоголизм.

А еще скрин с моей страницы, где я процитировала известного политика. В его высказывании содержится бранное слово, спрятанное за звездочками, но родители и это сочли недостойным их детей. А возмущающиеся все те же, кому я не продалась, плюс еще парочка, кто относился ко мне нейтрально.

– Вы прекрасно знаете, – тянет директор, победоносно улыбаясь, – что администрация всегда на стороне родителей. Такова политика школы. Вы их не устраиваете, Влада Игоревна. Так как так и не смогли найти с ними общий язык. И в связи с этим мы вынуждены с вами распрощаться. Я вас предупреждала.

Светлана Михайловна толкает ко мне лист бумаги. Оказывается, бланк заявления уже готов, набран на компьютере. Мне нужно только подписать и поставить дату.

– Какое число ставить? – интересуюсь глухо, со стороны наблюдая, как мои слезы заливают ровные черные буквы.

– Сегодняшнее. Вы можете не дорабатывать. Вас заменит Эльза Маратовна. Подписали? – приподнимается с кресла и выхватывает у меня лист. – Вот и отлично. Вы можете быть свободны, Влада Игоревна. Всего вам доброго.

Захлебываясь беспомощными и обидными слезами, вылетаю из кабинета. Краем глаза замечаю, как секретарь округляет глаза в удивлении и даже привстает со своего места.

Залетаю в учительскую. Оглядываю стол, на котором лежат мои вещи, непроверенные тетради. Понимаю, что больше нет необходимости вчитываться в каждое сочинение по прочитанному произведению, и снова слезы ручьем.

Мне обидно. Мне мерзко. Это унижительно, когда ты отдаешь душу любимому делу, каждому ребенку. Когда ночей не спишь, чтобы продумать план каждого урока, только бы литература не выглядела, как самостоятельное чтение, пересказ произведения и написание сочинения по прочитанному. Когда погружаешь детей в атмосферу того времени... А после тебя выкидывают, как шавку, потому что ты не прогнулась... Меня как в дерьме выкупали.

– Влада, что случилось? – интересуется коллега, касаясь моего плеча. – Ты плачешь.

– А? – поворачиваю голову, возвращаясь в эту ужасающую реальность. С остервенением стираю слезы со щек. – Все хорошо... Все нормально...

Я, как сумасшедшая, продолжаю бормотать эти две фразы и подлетаю к своему рабочему столу. Понимаю, что сил собирать личные вещи нет, и просто одним движением руки сметаю в сумку то, что лежит сверху.

Под изумленные взгляды коллег кое-как просовываю одну руку в пальто и, не прощаясь, покидаю учительскую.

Вываливаюсь на крыльцо и глубоко дышу, пытаюсь унять жгучие слезы.

– Вам плохо? – раздается сбоку низкий тягучий голос. Он обволакивает меня, согревает, обнимает и утешает. Так странно! Всего два слова, а какой спектр эмоций они вызвали!

Поворачиваю голову, чтобы увидеть обладателя самого сексуального голоса в моей жизни.

И стоит отметить, внешность этого мужчины соответствует голосу: высокий, настолько, что приходится задирать голову, чтобы смотреть в его лицо. Атлетически сложенная фигура, широкий размах плеч даже куртка, небрежно наброшенная на плечи из-за загипсованной руки, не может скрыть. Джинсы подчеркивают натренированные ноги и подкачанный зад. А глаза...

У этого мужчины невероятные глаза. Глубокие, цвета грозового неба, окруженные пушистыми ресницами. Зачем мужчинам вообще такие ресницы?! Его челка небрежно спадает на лоб, отчего взгляд выходит еще более чарующим и притягательным.

– У вас все в порядке? – повторяет вопрос, и я снова ощущаю эстетический оргазм. Даже глаза прикрываю от удовольствия.

Открываю рот, чтобы ответить, как в следующий момент сердечко сжимается до невероятных размеров от до боли знакомого:

– Папа!

На лице мужчины мгновенно расцветает улыбка до ямочек на щеках. Глаза загораются, и в них столько любви...

Он оборачивается, и я слежу за его взглядом.

У ворот возле машины стоит счастливая и улыбающаяся Тая. Машет рукой, на что незнакомец рядом со мной вскидывает руку в ответ.

И тут в голове запоздало щелкает догадка.

Я понимаю, кто передо мной.

И с этой секунды этот мужчина больше не кажется мне таким очаровательным. Более того, снова возвращается чувство мерзости.

Передо мной отец Таи. Егор Максимович. Тот, кто безжалостно растоптал меня.

Глава 18

Влада

– Так это вы! – вырывается у меня со злобой. Кулаки сами собой сжимаются и зудят от бессилия. – Я только одного понять не могу: за что вы написали на меня заявление?! Что я такого сделала?!

Егор Максимович хлопает глазами, как будто не понимает, что происходит. Делает шаг в мою сторону и морщится, будто каждое движение дается ему с трудом и отдает болью.

– Простите, о чем вы? Какое заявление?! Я вас даже не знаю!

Задыхаюсь. Открываю и закрываю рот. От шока слезы высыхают как по щелчку пальцев. Хочется крепко выругаться, как пьяный портовый грузчик. Но даже в стрессовой ситуации я не забываю, что нахожусь на крыльце школы.

Этот Егор Максимович что, еще и за дуру меня держит?!

У меня в голове диссонанс. Как можно быть таким хорошим отцом, которого буквально обожает Тая, и таким гнилым и мерзким человеком?!

– О чем?! О чем я?! Вы что, совсем не понимаете?! Я забрала к себе вашу дочь, не бросила ее на ночь в школе одну, а вы написали на меня жалобу директору! И меня только что уволили!

Егор Максимович морщится, трясет головой. Зажимает переносицу и прикрывает глаза.

– Постойте, постойте... Давайте обо всем по порядку...

Но договорить ему не дает маленький ураганчик по имени Тая.

– Владааааа Иииигоревна!

С оглушительным криком девочка врывается в мои ноги и крепко обнимает за талию, прижимаясь щекой к моему животу.

– Здравствуй, Тая, – не в силах удержаться, я все же приобнимаю девочку и глажу ее шелковистые волосы. – Я очень рада тебя видеть. Я волновалась...

– Меня забрали, – с глубокой обидой выпаливает девочка. Вскидывает голову, и я замечаю в огромных цвета неба глазах океаны слез. – В детский дом. Туда забирают всех, кто потерял папу и маму. Или... – добавляет тихо, совсем обреченно, – кого бросили родители.

Одна слезинка все же срывается с пушистых ресничек, и я на инстинктах утираю ее и крепче прижимаю девочку к себе.

– Все хорошо, солнышко... Все хорошо... Папа тебя любит... Он бы тебя никогда не бросил. Это было недоразумение. Давай просто забудем об этом, договорились?

И все это происходит под нахмуренный и задумчивый взгляд Егора Максимовича. Он мечется между мной и ребенком и потом обратно. Когда наши взгляды сталкиваются, у меня мурашки бегут по телу, по крови несется адреналин.

Какая-то неправильная реакция на этого мужчину!

Я должна его ненавидеть, презирать, хотеть задушить, но...

Каким-то чудесным образом Егору Максимовичу удается трансформировать эти мои чувства в нечто другое. От чего сердце бьется чаще, губы горят, во рту пересыхает, а тело... Кажется, оно вообще живет своей жизнью.

– Так это вы – та самая Влада Игоревна? – запоздало доходит до Егора Максимовича. Он чешет в затылке здоровой рукой и криво ухмыляется. Протягивает ладонь, делает шаг вперед. Но натывается на мой тяжелый взгляд и замирает на месте, опуская руку вдоль туловища. – Очень приятно познакомиться. Тая только и твердит о вас: восхищается косичками и блинчиками. А еще жареными котлетками.

Несмотря на дыру в груди и сердце, у меня хватает сил улыбнуться. Рядом с этой открытой и эмоциональной девочкой невозможно долго грустить.

– Да! – Тая снова задирает голову и счастливо улыбается, отчего сощуривается. – Вы заплетете мне еще? И я хочу еще блинчики! С вареньем! Или карамелью! – мечтательно тянет девочка. – А давайте поедим к нам в гости?! И мы вместе и для папы приготовим? Он же не пробовал! Да, пап?

Егор Максимович, застигнутый врасплох, закашливается. Снова кидает в мою сторону осторожный взгляд и неуверенно тянет:

– Я не против, если Влада Игоревна согласится...

– В другой раз, солнышко. Мне... нужно сегодня по делам.

– Ну вот, – куксится Тая и опускает голову. Рассматривает носки своих сапожек и дует губки.

– Влада Игоревна, – тихо произносит Егор Максимович, придвигаясь ко мне, чтобы Тая не разобрала нашего разговора. И снова мурашки стадом несутся по телу от низкого тембра. Хочется прикрыть глаза и попросить его что-нибудь спеть... Или даже просто читать вслух. Только бы наслаждаться этим голосом... – Послушайте, я, правда, не писал никакой жалобы. Я вообще после всего произошедшего впервые иду в школу.

– Но... Тогда как?! – вырывается у меня. Невероятно, но злость притихает, и поднимает голову недоумение. Удивительно, я впервые вижу этого мужчину, но отчего-то верю ему. Наверно потому, что плохой человек не смог бы воспитать такую дочь, как Тая.

– Я сейчас со всем разберусь, – жестко припечатывает Егор Максимович, сжимая ладонь в кулак до побелевших костяшек пальцев. – И улажу это недоразумение. Все будет хорошо, Влада.

Глава 19

Егор

– Подождите, Светлана Михайловна занята, – секретарь семенит следом.

Но я так зол, что сейчас меня не остановит даже атомный крейсер.

– Для меня свободна, – выплевываю, настежь распахивая дверь в кабинет.

Обычно я себя не веду, как зажавшийся мажор. Не тот статус и не те года.

Но сейчас особенный случай. Мое имя измарали в грязи, а человека, который дорог моей дочери, унизили и выкинули из школы... А кстати, какую причину они придумали?!

– Что происходит? – гремит директриса на весь кабинет. Она поднимается со своего места и сверлит меня взглядом. Отвечаю ей взаимностью, и Светлана Михайловна немного тушует. – Кто вы такой?

– Егор Максимович Аверин, – представляюсь, подходя к столу. И без какой-либо передышки перехожу к главному. – Отец Авериной Таисии. Я хотел бы выяснить, как так вышло, что в школе с индивидуальным подходом, за который я отваливаю каждый месяц приличную сумму денег, моя дочь осталась одна без присмотра? А потом ее просто сдали в детдом, не попытавшись даже выяснить причины моего отсутствия! Не позвонив в приемную моему секретарю для начала! Не в этом ли заключается индивидуальный подход, о котором вы твердили на каждом собрании?! – под конец рывкаю и опираюсь здоровой рукой на стол, отчего директриса отпшатывается и хватается за сердце.

– Егор Максимович, я приношу свои глубочайшие извинения... Это просто недоразумение...

– И еще. Я тут встретил учительницу, которая единственная протянула руку помощи моему ребенку. Так вот она утверждает, что ее уволили из-за какого-то заявления от моего имени. Не хотите пояснить?

И тут начинается самое интересное.

Директриса бледнеет, глаза бегают из стороны в сторону. Шарят по столу и внезапно останавливаются на чуть смятом листе бумаги.

Ловко выхватываю его, а пальцы директрисы ловят пустоту.

– Егор Максимович... Это... Я все объясню...

Пробегаюсь глазами по тексту, и все становится ясно. Этой наглой с**е даже пояснять ничего не придется.

– Не стоит. Я не нуждаюсь в ваших оправданиях, – выплевываю на одном дыхании, стараясь оставаться спокойным. Иначе все разнесу тут к чертовой матери. – Документы моей дочери отдайте. Она больше сюда не вернется.

– Егор Максимович, – заламывает руки директор, семеня следом. – Послушайте, эта учительница... у нее столько нарушений... Ее давно нужно было уволить...

– Замолчите, Светлана Михайловна. Иначе сейчас наговорите на статью. Документы, – требовательно нависаю над секретарем.

Девушка мечет взгляд мне за спину и, очевидно, получив одобрительный жест, кидается к шкафу с папками. В течение считанных секунд передает мне документы Таи, и я покидаю приемную, не прощаясь.

Едва оказываюсь на крыльце, прикрываю глаза и часто вдыхаю морозный воздух, чтобы унять молотящую боль в висках и хоть немного успокоиться.

Когда мне это более-менее удастся, достаю мобильный из кармана и набираю юриста.

– Вениамин, ты как-то говорил, что у тебя родственник в полиции работает?

– Верно, – тут же отзывается подчиненный. – Мой двоюродный брат.

– Отлично. Не мог бы ты предупредить его, что я сейчас к нему заеду? С очень интересным документиком.

– Да, конечно. Сейчас скину адрес сообщением.

– Отлично.

Отбиваю вызов и шагаю к машине, где меня ждет Тая с водителем. Если по пути сюда я был намерен просто расторгнуть договор с этой, прости Господи, элитной школой, то сейчас планы изменились.

Я намерен добиться, чтобы ее вообще нахрен закрыли. Одно из обстоятельств, этому способствующих, у меня в руках. Уверен, проверка, инициированная с моей помощью, тоже найдет немало интересного.

Глава 20

Влада

Хоть Егор Максимович и настроен решительно и внушает доверие, на душе все равно паршиво. Тоскливо от понимания, что даже если меня и восстановят, пока директором этого заведения является Светлана Михайловна, я не смогу спокойно работать. Она все равно меня выживет. Но уже на законных основаниях.

Проводив Таю до машины и передав девочку в заботливые руки водителя, наконец-то покидаю территорию школы. Под недовольное ворчание и расстроенное личико Таисии. С обещанием, что мы постараемся увидеться.

Домой не хочется. Там пусто, глухо и холодно. Наша квартира больше напоминает гостиничный номер – чисто и...бездружно.

Я увяну в этих четырех стенах. У меня от мыслей только ощущение, будто заперли в клетку.

Решаю прогуляться. Просто без цели. Чтобы хотя бы попытаться избавиться от чувства гадливости и несправедливости. И полюбоваться на людей, которые спешат в последний момент закупить подарков близким и украсить дом.

А мы с Виктором уже третий год не украшаем. Даже елку не ставим. «Бесполезная трата времени и денег», – как-то выдал муж, скривившись. – «Зачем корячиться, если твое лысое чудовище все равно ее уронит?».

Лысое чудовище – это он про моего кота сфинкса, которого я пять лет назад нашла на улице и приютила.

Я бреду, пиная снег, и стараюсь отвлечься на прекрасное. Но в голову все равно беспощадно врывается насмешливый взгляд и ехидный голос директора. И снова щипает в носу, а в горле ком.

Хочется поддержки. Объятий сильных рук, успокаивающий голос, который будет уверять, что все будет хорошо.

Почему-то первым на ум приходит голос Егора и его сильные натренированные руки. Даааа, его бархатный низкий голос точно смог бы успокоить меня и согреть мое сердце...

Но я почти сразу трясую головой, отгоняя навязчивые дурные мысли. И скорее набираю мужа.

Но Виктор ожидаемо сбрасывает и присылает равнодушное и механическое:

«Занят. Позвоню».

Не перезвонит.

Виктор столько раз обещал это сделать, но так и ни разу не сдержал слова.

От обиды, чувства одиночества и брошенности злые слезы снова наворачиваются на глаза. Вскидываю лицо к небу, не обращая внимания на жалящие снежинки. Просто слежу, как они кружатся, белым покрывалом ложась на землю. Как будто хоронят осколки моей разбитой вдребезги жизни...

Мои нервы и без того натянуты как струна, а Виктор меня просто добил.

Я никогда ему не жаловалась.

Никогда не просила поддержки.

Да ни о чем вообще не просила.

Даже когда в наш дом постучалась беда, каждый из нас справлялся с горем самостоятельно. И я тогда ни слова не сказала мужу. Ни одной истерики не закатила по поводу того, что он не говорит со мной и постоянно оставляет одну.

Впервые за всю совместную супружескую жизнь я захотела, чтобы он просто поддержал, обнял, пригласил на чашку кофе в перерыв, в конце концов! Вспомнил, что мы не чужие друг другу.

Ведь мы любили когда-то... Сильно, безумно... Как сумасшедшие...

Куда все это делось? Почему мы из любящей пары превратились в соседей?..

Наверно, Виктор считает, что бездушные слова – это все, чего я заслужила.

Пронзительный ветер сбивает с ног, забрасывая за шиворот пригоршню снега. Он колет, жалит... Но это ничто по сравнению с тем, что творится в моей душе.

Потираю замерзшие ладони друг о друга и дую на пальцы, пытаюсь их согреть. Да, гулять в такую погоду было отвратительной идеей – у меня очень тонкое пальто, и я забыла перчатки в учительской.

На глаза попадается торговый центр. Сама не понимаю, как дошла сюда. Но очень здорово, что так вышло. Здесь отличная кофейня и мои любимые круассаны. Что ж, раз Виктор не хочет составить мне компанию, придется справляться самой.

Ветер буквально толкает меня в спину, как будто подгоняет. Я не сопротивляюсь и спешу перейти дорогу.

Поднимаюсь на последний этаж и бреду вдоль бутиков, глядя строго себе под ноги.

Внезапно знакомый и такой родной голос заставляет резко замереть. Я торможу так внезапно, что люди, идущие позади, врезаются мне в спину.

– Извините, – бормочу, даже не глядя в сторону прохожих. Мой взгляд сосредотачивается на спине мужа. И на его ладони, по-хозяйски лежащей на женской талии.

– Как думаешь, – тянет моя бывшая близкая подруга, склонив голову на плечо Виктора. – Этот матрас не будет очень жестким? Леша удобно будет спать с нами, если у него вдруг будет болеть животик?

– Не волнуйся, у меня дома такой же. Ты же знаешь, – Виктор целует Ларису в висок, и она жмурится от этой нежности. – Он отличного качества, в меру жесткий, в меру мягкий. Влада выбирала. А она очень дотошная в таких вещах.

Эти двое, сами того не зная, наносят жесткие удары плетью по моему сердцу. Прямо по кривым уродливым швам старых ран, вспарывая его и заставляя захлебываться кровью.

Леша...

Ночами, лежа в кровати, мы с Виктором выбирали имя нашему ребенку. И решили, что назовем его Алексеем, если это будет мальчик.

И Виктор обязательно так назовет сына. Но уже от любовницы.

А покупать точно такой же матрас в квартиру любовницы...

Это насколько нужно быть циничными?! Неужели в людях не осталось ничего святого?!

– Давай не будем о ней, – я не вижу, но уверена, Лара морщится и кривится. – Ты же знаешь, я этого не люблю...

– Потому что совесть просыпается? – неожиданно хриплю. – От того, что ты, глядя мне в глаза, улыбалась, а за спиной трахалась с моим мужем? Или осознание, что ты вторая после жены?

Сладкая парочка оборачивается и смотрит на меня во все глаза. Лариса сразу же прикрывает двумя ладонями живот и прячется за спину Виктора. Как будто я могу испепелить ее и ребенка одним только взглядом.

А вот мой муж...

Он не выглядит удивленным или раздосадованным. Уставшим, да. И даже немного радостным. Наверно от того, что больше не придется играть на два фронта.

Меня тошнит. До кислого, лимонного привкуса на языке. Кажется, вот-вот, прямо здесь, на глазах у прохожих, извергну содержимое желудка им под ноги.

«...Ты же знаешь...»

Эта фраза, как на повторе, эхом фонит в ушах, и с каждой секундой громкость только нарастает.

Лара была у нас дома. но не в качестве моей подруги. А в качестве женщины, с которой Виктор делил наше супружеское ложе.

Мои внутренности скручивает. Все тело сводит судорогой, что я даже не могу пошевелиться. Только чувствовать, как каждая клетка бьется в агонии.

Больно. Ужасно больно от осознания, что вместо того, чтобы поговорить о проблемах в нашей семье, чтобы подарить мне частичку своего тепла, Виктор грел постель другой.

А меня просто перестал замечать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.